

События повести разворачиваются во время Великой войны в мире, похожем на наш в период Первой Мировой. Место действия — Беловодская Империя, громадное государство на востоке континента, населенное людьми, обращенцами, грязушами и жителями степей (малмалами или степняками). Верхнюю прослойку общества составляют главным образом люди, несколько знатных родов обращенцев. Грязуш же безжалостно эксплуатируют ввиду неспособности последних к серьезному сопротивлению, восстания степняков периодически подавляются. Однако, Империя оказывается неспособной вынести тяготы войны — сначала происходит революция, а после начинается гражданская война. История этого тяжелого периода рассказывается в связи с приключениями выпускника элитного гвардейского училища Кирилла Оболенского.

По узкой плохой дороге медленно продвигались вперед, лениво переставляя копыта, три лошади. Возглавлявший колонну всадник в черном кожаном плаще и фуражке с широким козырьком отсутствующим взглядом блуждал по окрестностям, изредка поглядывая на механические часы на левой руке и недовольно цокая языком.

Двое других были одеты в одинаковые серые шинели, у каждого через плечо перекинута винтовка, оба молодые, но уже с измождёнными взглядами. У того, что по виду старше, через всё лицо тянулся уродливый шрам, один глаз отсутствовал. В седле они держались плохо, было видно, что не привыкли к верховой езде и не могли дождаться, когда доберутся до ближайшего села.

— О-бо-ленс-кое, — прочитал по слогам мужчина со шрамом. — Будто в честь вас названо, Кирилл Ваньч.

Кирилл Иванович Оболенский, двадцатитрехлетний комиссар, посмотрел на Захара, с которым познакомился ещё в начале революции, хмыкнул.

— В честь меня и названо. Точнее, в честь моего рода. Моему отцу когда-то принадлежало.

— Нас поэтому сюда направили? — спросил Захар.

— Нет. Село случайно у нас на пути. Узнать, установилась здесь народная власть или нет, будет не лишним. Да и выспаться под крышей можно для разнообразия.

Захар и второй солдат, Гришка, радостно переглянулись, повернули вслед за комиссаром направо от купеческого тракта.

— А война-то не коснулась этих мест, — отметил Захар, глядя на вырисовавшиеся на склоне у реки стройные крестьянские дома. — А это что такое? — он приложил правую руку к голове на манер козырька, защищая глаза от солнца, и посмотрел на внушительных размеров замок, выполненный в стиле Темных веков.

— Отец был большим поклонником рыцарского периода на Западе, — сообщил Кирилл. — При нём замок и возвели. Впечатляет, не правда ли?

— Я думал, такую махину только в столице можно увидеть, — сообщил Гришка.

Однако на деле строение смотрелось безвкусно и неуместно на фоне крестьянских построек.

— А у крестьян дома какие, загляденье, — сказал Гришке Захар. — У нас завалюшки, а здесь прямо хоромы.

— Крестьяне тут богатые, — подтвердил Кирилл. — Не думаю, что тут есть народники и им сочувствующие, потому будьте осторожны в высказываниях и не больно-то рвитесь агитировать. У многих дети на фронте погибли, потому мир, да еще и с такими территориальными потерями их не обрадовал. Скорее всего, нас ждёт холодный приём.

Сельчане действительно были людьми обеспеченными — наделы большие, всюду паслись отары коз, в каждом дворе была как минимум одна корова или лошадь. На полях колосились сельскохозяйственные культуры, непохожие на те, что встречались на остальной территории Республики. Дома были большие, глиняные, построены на славу, жители, попадавшиеся комиссару и его подручным, упитанные, румяные, на всадников пытались не смотреть. Кирилл попробовал завести разговор с одним мужичком, но тот отрезал:

— К голове езжай, я в таких делах не полноместен.

Не поняв, что имел в виду мужик, Кирилл уточнил, где живёт голова.

— А вот тот дом, на пригорке, что над всем селом возвышается.

Голова жил в настоящих хоромах: нарядный кирпичный дом, красивое крыльцо, искусно выполненные ставни. Сам он оказался бородачом лет сорока с большим пузом, сальными губами и глубоко посаженными маслянистыми черными глазами.

— Чьи будете, господа-товарищи? — спросил он, уже зная ответ на свой вопрос.

— Мы представители правительства Республики. Я комиссар Оболенский, это мои подручные. По поручению наркома обороны мы прибыли с официальным визитом, выяснить, образованы ли у вас органы народной власти либо управляетесь по-старому.

Голова с прищуром посмотрел на комиссара: оберег, болтавшийся на шее мужчины, заговорённый меч на поясе, манера разговора выдавали высокородного юношу. Неужто из числа предателей, переметнувшихся от царя к народникам?

— У нас тут всегда народная власть была, товарищ комиссар, — ответил он спустя какое-то время, — потому управляли и управлять будем по-старому.

— Как угодно, — Кирилл не собирался агитировать и убеждать организовать местное Народное Собрание. Их на восток не за этим послали. — Ночлега у вас приехали просить, товарищ... — Кирилл вопросительно посмотрел на голову. Хоть Оболенский и часто бывал в этом селе в детстве, крестьян по именам он почти не знал.

— Полевой Никита Алексеевич, — представился голова. — Ночлег мы само собой предоставим, но раз уж вы представители власти — правильно я понимаю? — то будьте добры и нашу просьбу уважить. Замок Оболенских видите — голова развернулся и ткнул пальцем в сторону возвышающегося над селом строения. — Засели там бандиты. Себя властью называют, с нас налоги требуют, говорят, мол, сам царь их назначил. А вы вот, как понимаю, говорите, что царя больше нет. Правильно я понимаю?

— И сколько там засело? — спросил Кирилл.

— Дык, почем знаю. Гуторят, волшебник у них за главного.

— Волшебник?! — глаза Кирилла округлились, он оглянулся и посмотрел на солдат.

— Волшебник-волшебник, — утвердительно кивнул голова. — Кличут они себя адмистрацией, да добро у нас отбирают. Как-то приходили сюда нарармейцы, так они их поубивали, головы поотрубали, да в речку. Мы тут люди маленькие, сами не знаем, что в столице делается, кто у власти, потому им и платим. Но раз вы приехали, значит у власти не царь, а комиссары, правильно я понимаю?

— Правильно, — согласился Кирилл.

— Выходит, в замке разбойники сидят, да нас грабят, а вы, как представители власти, должны порядок навести, водворить, так сказать, законность. Не прав?

— Правы, — снова согласился Кирилл. — Поступим вот как — вы расскажете всё, что знаете, мы к замку съездим, посмотрим со стороны, что да как, а там решим. Если там не разбойники, а народоборцы в большом количестве, дождёмся Народной Армии и пойдём на приступ.

— Какой ещё армии? — настороженно спросил голова. — За вами армия идёт?

— Нет, армии за нами не идет, но как только я доложу обо всём наркому обороны, её сюда направят.

Голова кивнул.

— Если разбойников немного и нам по силам, сами с ними справимся, — закончил Кирилл. — Так что вам о них ещё известно?

— А известно немного — как я уже сказал, приходят раз в месяц, требуют налоги, берут хлебом и уходят. Не безобразничают, не грабят, как наармейцы, — он бросил полный упрёка взгляд в сторону Кирилла, — забирают сколько положено и уходят.

— А сколько их обычно?

— Человек пять, не больше.

— Волшебника вы сам не видели?

— Нет, не видел. Но люди гуторят.

— Понятно. Вы обещали нам ночлег. Покажите Грише, куда можно сложить вещи, коней поставить, а мы с Захаром прогуляемся к замку, — Кирилл повернулся к своему изуродованному товарищу. — Винтовку с собой возьми.

Сам комиссар слез с лошади, поправил ножны, достал из вьюка кобуру с пистолетом Павлова, прицепил её на пояс. Захар с винтовкой за спиной, ремень которой был перекинут через левое плечо, уже дожидался. Быстрым шагом они вдвоём стали подниматься по широкой сельской дороге вверх.

— Ближе подходить не будем. Если они вооружены, могут обстрелять. Нам бы со стороны посмотреть, — проинструктировал Кирилл своего подопечного по дороге.

Они остановились метрах в семистах от замка. Вокруг никого не было видно, Кирилл позволил себе немного поностальгировать.

— Почти ничего не изменилось, — заметил комиссар. — Вон в той роще рядом с замком мы с отцом часто гуляли, беседовали. Её посадили здесь специально по приказу папы. Он любил пешие прогулки среди деревьев, а вокруг одни луга, да невысокие пригорки. Вот и засадили всю территорию за замком дубками, березами да кленами. Когда участок продавали, рощица так разрослась, что грозила превратиться в целый лес.

— Богач был ваш батенька, — заметил Захар.

— Богач, — согласился Кирилл. — Так гордился, когда я в гвардию поступил. Хвастал, что наш род за три поколения от крепостного до гвардейца поднялся. Грезил идеалами прошлого. Верил в царя, Отечество. Умер, когда получил известие о моей гибели на фронте. В штабе ошиблись, а человека не веротишь.

Захар ничего не стал добавлять — его история была куда проще: после смерти отца, оставшись одна с четырьмя детьми, мать подалась на работу в бордель — единственное место, где она могла получать достаточно средств, чтобы содержать семью. Захару не в чем было её упрекнуть — она старалась обеспечить детей всем необходимым, смогла дать какое-никакое образование, благодаря которому он стал не рядовым рабочим, а помощником инженера. Однако профессии матери он всё равно стыдился и без большого желания отвечал на её письма, которые она продолжала ему слать.

— Будто никого внутри нет, — заметил Кирилл, нарушив затянувшееся молчание. — Следы от телеги видишь? Ведут ведь не в деревню, рощу огибают и на восток уходят, под горку. Лукавит голова, не простые разбойнички в замке. Вопрос в том, за кого местные. Расскажут, кто ездит в замок, как думаешь?

— А оно нам нужно, Кирилл Ваныч? — спросил Захар. — Мы ж в комиссариата Ельска направлены, а не воевать с бандюками, терроризирующими крестьян.

— Так-то оно так, да разобраться в этом деле всё равно хочется. Пошли обратно в деревню, снова поговорим с Полевым.

Когда они вернулись, Гришка уже дожидался их у забора головы.

— Кирилл Иванович, — подбежал он к комиссару, — как-то недружелюбно на меня тут

смотрят. Может, заночуем где ещё? Плохое предчувствие у меня.

— Посмотрим, — отмахнулся Оболенский. — Переговорю с головой, а там решать будем.

Без стука войдя в богато обставленный дом — на стенах обои, у стен сундуки и всевозможная мебель, начиная со шкафов и заканчивая письменным столом и диваном, который уместнее смотрелся бы в модном столичном салоне — Кирилл стал разыскивать голову. Раздраженный Никита Алексеевич столкнулся с ним у дверей в кухню.

— А тебя кто сюда впускал, шельма? — зло бросил он. — Шею тебе намылить, чтобы не повадно было по чужим домам лазать?

— Хамить не нужно, — Кирилл без боязни посмотрел в глаза Полевому. — Дело срочное, вот и вошел. Я осмотрел замок, никого не увидел. Сидят в подвале?

— Я почему знаю. Спустись туда и выясни, раз уж комиссар.

— А кто на телеге к ним ездит, знаешь?

— Нет, не знаю.

Оболенский недоверчиво посмотрел на Полевого.

— Богато для простого селянина домик у тебя обставлен, Никита Алексеевич.

— Это не твоего ума дело. Разбойников прогонишь или пускай дальше нас грабят?

— А там не разбойники, Никита Сергеевич. И ты это знаешь. Но прогнать их я прогоню. Это тебе обещаю.

— Буду признателен Народной Республике и партии народоборцев, — не скрывая иронии, произнес голова. — А теперь выметайся из моего дома подобру-поздорову.

Кирилл ничего не ответил, неторопливо ушел. Приказал нарядмейцам отправляться на ночлег, но Захара задержал.

— Слушай сюда, — Оболенский наклонился к своему изуродованному товарищу. — Сегодня я объявлю обет молчания, продержу его до утра, потом спущусь в подвалы. Ты остаешься за старшего. Крестьянам не доверять — они колонисты, богаты, господ не знали, народников недолюбливают и землёй делиться не хотят. Не верю голове, что не знает, кто помогает чародею. Гришка пороху не нюхал, может быстро сломаться, потому за ним глаз да глаз. Лучше всего, если переждёте где-то за границами села. Вечером должен буду вернуться. Если нет, езжайте назад и доложите о случившемся, пускай посылают сюда полноценный отряд. Всё понятно?

— Кирилл Ваныч, — неуверенно поглядел в его сторону Захар, — так может ну его? Дождёмся артиллерии, дворец с землёй сравняем, там волшебника и похороним.

— Ради одного волшебника волочь сюда артиллерийский расчёт? Уволь, голубчик, — комиссар посмотрел на свой заговорённый меч. — Сам я с ним справлюсь.

— Уж будьте осторожны. Привязался я к вам. Под вашим начальством хоть под пулемёт, хоть под копыта.

Кирилл похлопал нарядмейца по плечу.

— Не кручинься, Захар. Бог не выдаст, свинья не съест, — вложив меч в ножны, комиссар проверил пистолет, вставил магазин с простыми патронами, прицепил на пояс ещё несколько, закрепил там же пару гранат, два магазина с заговоренными патронами привязал к запястьям обеих рук. Посмотрел на Захара, приложил палец к губам и ушёл в лес.

...

Утром, после ухода комиссара, Захар и Гришка добрались до купеческого тракта, ни о чем не разговаривали. Израненный нарядмеец не стал отчитываться перед малоопытным

солдатом, но по его лицу Григорий понял, что товарищ нервничает.

— Ну чего молчишь? — не выдержал Гриша. — Расскажи, что случилось!

— Нас с собой брать не стал, приказал оставаться, — выдавил недовольный Захар. — Я ему говорю, артиллерии дождемся, Кирилл Ваныч. А он только отмахивается. Считался, понимаешь, в своем ордене, чи отряде самым искусным, если дело колдунов касалось. При мне двух чародеев укокошил. Но сейчас беспокоюсь я, Гришка. Там же не один чародей. И не верю я этим сельчанам. Поют-то сладко, да настолько, что подташнивает.

— Гляди, — Гриша, быстро утративший интерес к речи Захара, указал на дорогу. С востока торопливо скакало около десятка всадников.

— А это кто такие? — Захар предусмотрительно стянул винтовку с плеча.

— Ты, служилый, не задирай, — раздался голос у Захара за спиной. — Мне тебя подстрелить ничего не стоит.

Захар обернулся — голова и трое крестьян, вооруженные ружьями, сумели подкрасться незаметно, застыли на расстоянии тридцати шагов в придорожном подлеске и взяли на прицел наرارмейцев. Лошади очень скоро достигли развилки, примчалось человек двенадцать народоборцев, одного и них Захар признал сразу же — гвардеец Салтыков, служил когда-то вместе с Оболенским.

— Захар?! — удивленно спросил последний. — Кирилл здесь?

— Здесь, — нехотя ответил наرارмеец, отдавая винтовку крестьянину.

— Знаешь его? — спросил голова Салтыкова.

— Знаю. А ты сына своего арендодателя не признал?

— Выходит, это тот самый легендарный комиссар? Как же быть? Эразм с ним точно справится?

Салтыков пожал плечами.

— Это уже твоя головная боль, Никита Алексеевич. Мне эти двое нужны, — гвардеец соскочил с лошади, подошёл к разоруженным наرارмейцам.

— Тебя как кличут? — обратился он к Гришке.

— Григорием.

— Предан делу народной армии, Григорий?

По испуганному взгляду последнего Салтыков понял, что если и предан, то не слишком крепко.

— Захар, — Салтыков ухмыльнулся и приблизился к своему старому знакомому, — готов умереть за идеалы грабителей и убийц, предателей царя и Отчества?

— Ты, Сергей Митрич, и сам знаешь. Уж не первый день знакомы. А по поводу предательства, так то не я слово давал, что против Народного Собрания меча не подниму, не меня из крепости под честное слово выпускали. Тут, знаешь ли, разобраться нужно, кто из нас предатель.

Салтыкова его слова не задели, наоборот, он рассмеялся.

— Рад, что время тебя не переменяло, и ты остался всё таким же упрямым ослом. Ладно, побеседуем позже. Вы пока свяжите его, — обратился он к остальным народоборцам, — а Григория в сторонку, дело к нему есть.

— Гриша, — осмелился заговорить Захар, видя колебания товарища. — Ты не забывай, что присягу давал, не забывай, что по дороге сюда видел.

Салтыков без лишних слов ударил Захара тыльной стороной ладони по лицу.

— Оскорбления я простить могу, Захар, а вот вредить правому делу не смей. Без

разговоров тебя расстреляю.

Упавший на землю Захар озлобленно посмотрел на Салтыкова. Понимая, что тот не шутит, сдержался и промолчал. Народоборцы и крестьяне связали Захара, отпуская при этом оскорбительные комментарии в его сторону, запугивая.

— С такими как ты наш командир не церемонится. Последних из ваших мы четвертовали прямо на площади в губернском городе, — хвастался один.

— А вопили-то они как, — смакуя подробности, вспоминал второй. — Будто резанные. Во всём сознались, вину за все преступления на себя взяли. С тобой будет точь-в-точь. Сначала отпираться станешь, а уж потом заголосишь.

Плохо они знали Захара, если надеялись запугать такими разговорами: шрамы на его лице остались не от взрыва гранаты или снаряда, а от ножа народоборца. Захар тогда попал в плен во время разведки боем. В отличие от остальных держался стойко, чем только разозлил врагов. Решили показательно его казнить, перед этим подвергнуть пытке. Но когда командованию Народной Армии стало известно о разгроме разведотряда, они послали на выручку роту, возглавляемую бывшим царским гвардейцем Оболенским Кириллом Ивановичем. Нарармейцы действовали дерзко, ворвавшись прямо в стан врага и устроив погром. Внезапность и напор, а также фантастическое мастерство Оболенского в обращении с мечом и пистолетом ошеломили народоборцев, пленных удалось отбить, а после ретироваться, понеся минимальные потери. И не смотря на то, что Захар был знаком с Кириллом Ивановичем задолго до того, как комиссар спас Захара, они подружились и привязались друг к другу именно тогда.

Поэтому нынешние попытки народоборцев напустить на него страха могли только позабавить Захара — он умел ценить дружбу и никогда не предаст Оболенского, чем бы это ему не грозило.

Спустя какое-то время вернулся Салтыков.

— Ну что, Захар, с твоим товарищем я договорился, попробую и с тобой, хоть заранее знаю, что не получится. Усадите его, — приказал он солдатам. Те подхватили связанного по рукам и ногам Захара, отнесли к ближайшему дереву, разместили так, чтобы спина упиралась в ствол и его положение напоминало сидячее. — Ты понимаешь, что сегодня твоя жизнь оборвется, и умереть тебе суждено, сражаясь на стороне злодеев? Поди сюда, Никита Алексеевич. Расскажи товарищу, как нарармейцы здесь лиходеили, когда нас гнали к портам.

— Хотели сжечь всё село, убивали и насиловали. Даже детей не жалели. Был с ними и комиссар, так он как пьяным напивался среди ночи, ко мне в дом врывается, выгонял на улицу в одних портках, а сам буйствовать начинал, грозился, что всю деревню заживо похоронит, если не будем законную власть поддерживать. Послабление пришло, только когда окаянных на западный фронт отправили.

— Ты меня упрекнул, — продолжил Салтыков, когда убедился, что голова закончил, — в нарушении данного слова. Что же, правда за тобой. Я соврал, когда пообещал не воевать с вами. Но так ложь моя была вынужденной — вы начали грабить и убивать, все ваши обещания оказались только пустым звуком. Смертную казнь вроде как запретили, а потом снова ввели. Что же прикажешь, ждать, пока меня убьют? Мы так, брат, не договаривались. Поэтому не вижу ничего постыдного в том, что слово своё нарушил. Вот почему ты продолжаешь драться за народников, я не знаю. Вам обещали мир, вместо этого развязали братоубийственную войну, вам обещали зерно, вместо этого начался голод, вам обещали

землю, вместо этого ограбили. Так почему ты на стороне защитников простого люда на словах, а на деле убийц, насильников и грабителей?

— Потому что брешешь ты, Сергей Митрич, и не краснеешь. Не мы войну начали, а вы, мы как раз терпели до последнего, не мы грабители, а вы, не из-за нас сюда пришел комиссар, ограбивший это село, а из-за вас. Мы чего обещали, то и исполнили, а вот вы слово данное нарушили, народную власть назвали властью черни, решили, что страной нужно управлять по праву крови, а не совести. А я вот считаю иначе и мнения своего не поменяю, хоть грози ты мне, барин, смертью да пытками.

— Попытка не пытка, — Салтыков улыбнулся, посмотрел на сельского голову. — Оставляю вам. Пока не убивайте. Если Кирилл уцелеет, используйте его, — Салтыков кивнул в сторону Захара, — для торговли, а там извернитесь как-нибудь, да пристрелите комиссара.

— Погодь-погодь! — энергично замахал руками голова. — Это ж что ж получается, ты нас один на один с комиссаром оставляешь, который по слухам в одиночку роту солдат порубить способен?

— Выходит, — кивнул Салтыков.

— А ну-ка стой! — голова ухватил Салтыкова за рукав дорожного плаща. Напрасно. Никто толком не понял, что произошло, но через мгновение сельчанин валялся на земле с заломанной за спину рукой, из его носа струилась кровь. Люди Салтыкова направили пистолеты и винтовки на растерявшихся крестьян.

— А шутить со мной не надо, Никита Алексеевич. Я человек гордый, болезненно обидчивый. Так, знаешь ли, доиграться можно. Веди себя благоразумно и живой останешься, понял меня?

Салтыков оттолкнул сельчанина, наклонился к Захару.

— После не забудь, что ты мне должен, — прошептал он на ухо нарармейцу. — Мы-то с тобой знаем, что Кирилл стоит целой дивизии, а не роты.

...

В правой руке, отведённой назад, меч, в левой, выставленной вперёд, самозарядный пистолет Павлова. Ноги полусогнуты, к шее плотно прилегает шнурок с оберегом. Корпус согнут, центр тяжести перенёс максимально близко к земле. Рысью комиссар спускается по ступенькам, полушёпотом повторяет слова слабого заговора от морака.

Тьма подвала развеивается, комиссар начинает продвигаться от стены к стене, сливаясь с пыльной темно-коричневой поверхностью. Из-за угла слышен звук чьих-то разговоров.

— ... сегодня пойдёт?

— Никита так сказал.

— Веришь ему?

— А чего ж не верить? Он в Западной войне-то участвовал, чай не трус, як народники, наш, боевой мужик.

— Наш-то наш, но народников не видно.

— Жиденькие душонки, видать. Сказал, юнцы зеленые, ружжо держать толком не могут, один, правда, весь в шрамах, да и тот не... — народоборец крикнул. Его собеседник не сразу понял, что случилось, а когда понял, было поздно — комиссар перерезал ему глотку. Оттащил тела из прохода в боковую нишу, вернулся в коридор и спустился на нижний ярус. Он помнил, каждый камешек в стене, каждый поворот лабиринта второго уровня — в детстве он постоянно играл здесь с сыновьями конюха. Знал где скорее всего организуют

засаду народоборцы. Точно — голоса доносились из потайной ниши в стене широкого коридора, ведущего к винным погребам. Человек пять не меньше. Не скрывали своего присутствия — видимо, были уверены, что те двое наверху подадут сигнал, когда народники пойдут на штурм. Хотели подкараулить и положить всех разом.

Кирилл врезался ногой в маскировочный тент, вертясь юлой, ворвался в нишу. Поднимаясь снизу вверх, лезвие обагрилось кровью беспечного солдата, тянувшегося за своей кружкой с вином. Уже через мгновение развернув меч параллельно полу, комиссар пронзил грудь второго солдата, пробив кожу и кости, перерезав аорту. Четверо оставшихся опешили, замешкались — за это заплатили ещё двумя трупами, оба повалились на землю с аккуратными порезами у основания горла. Два других завопили, один схватился за винтовку, но не успел ею воспользоваться — комиссар выстрелил, попав точно в левый глаз, ударил ногой в спину второго, изящным движением развернув меч, направил лезвие вниз и пробил спину в области сердца. Все шестеро солдат погибли почти мгновенно, но успели поднять гомон — дальше будет сложнее.

Из коридора донесся шум шагов, комиссар затаился в нише. Ещё двое с винтовками наготове ворвались внутрь. Комиссар напал со спины, перерезал крайнему горло, второму пустил пулю в голову. Но был ещё один, остался в коридоре. Выстрелил! Пуля врезалась в тело уже убитого народоборца, комиссар же сместился вправо, выстрелил в ответ, с расстояния пяти шагов он промахнуться не мог — пуля угодила в лоб, солдат опрокинулся на спину и застыл на месте. С большей частью врагов он наверняка разобрался. Сложнее всего будет с чародеем.

Комиссар вернулся в коридор, по нему открыли огонь ещё двое — один из них в форме гвардейца, опоясан мечом. Кирилл не знал его, значит, в гвардию приняли во время войны. Не соперник.

Стреляя на ходу, комиссар пошёл в атаку. Солдат не успел среагировать, пуля пробила легкое и сердце. Падая, он спустил курок ещё один раз, но попал в потолок коридора, сверху посыпалась пыль. Гвардеец же грамотно сместился за арку, стал стрелять в ответ.

Оберег на груди Кирилла нагрелся — в него попали, но волшебства пока хватало. Палить по себе безнаказанно он больше не позволил — как только гвардеец показался из-за угла, выстрелил. Попал в цель, но пуля отскочила от барьера — у гвардейца тоже был оберег. Кирилл хотел выругаться, но знал, что с каждым лишним словом сила его и без того слабого заговора будет снижаться. Недолго думая, выбросил пистолет, помчался вперёд, игнорируя выстрелы гвардейца, ухватился за рукоять меча и, достигнув арки, описал корпусом полукруг, нанёс мощнейший удар в область груди гвардейца, рассчитывая разом разбить оберег. Лезвие лязгнуло, отскочило. Кирилл не рассчитал сил, инерция понесла его вперёд, он врезался в стену, но тут же развернулся, готовясь снова атаковать. Перепугавшийся было гвардеец уронил пистолет, перебежал к противоположной стене, выхватил меч. Оберег на его шее сильно нагрелся, но выдержал — чародей, прятавшийся в подвале, был сильным.

Размышлять об этом некогда, Кирилл пошёл в атаку.

— Голодранец! — кичливо выкрикнул гвардеец, уклоняясь и пытаясь пронзить своего противника ответной атакой. Он фехтовал самоуверенно, даже нагло, пропускал много слабых ударов, но, казалось, не замечал этого, от сильных же всегда умудрялся увернуться, периодически пробивая блоки Кирилла. Проведя очередную серию выпадов, стал бить наотмашь, один удар достиг цели, оберег на шее Кирилла раскалился. Комиссар отступил на пару шагов, стал уворачиваться и пытался не подпускать гвардейца к себе. Кирилл на две

головы превосходил своего противника, но тот был куда лучше защищен, действовать нужно было с умом.

Парировав неуклюжую атаку гвардейца, Кирилл взорвался: обманный финт, удар, разворот, удар прямо в спину гвардейцу, нырок в сторону, лезвие врезалось в живот гвардейца, но было остановлено барьером оберега, отскок, кувырок. Комиссар метнул заговорённый меч, лезвие врезалось и непременно пробило бы грудь гвардейца, но оберег справился.

— Тупица! — выплюнул разгневанный и напуганный, но на этот раз уверенный в своей близкой победе гвардеец, из последних сил бросился на безоружного комиссара. Последний вытянул правую руку, в которой сжимал пистолет, спустил курок лишь раз — заговоренная пуля справилась с барьером, оберег на груди гвардейца вспыхнул, разлетелся на мелкие кусочки. Расходовать ценные патроны комиссар больше не стал, поднырнул под меч, которым отчаявшийся гвардеец попытался его достать, уцепился рукой за запястье врага, упёрся плечом в плечо и с силой толкнул. Гвардеец не сумел удержать равновесия, упал на колени, выронил меч, а в следующую секунду погиб, пронзённый своим же клинком.

Судя по всему, это был последний из солдат. Оставался чародей.

...

У замка голова собрал человек тридцать взрослых крестьян, прошедших через войну и враждебно настроенных по отношению к народникам.

Они замерли в ожидании исхода битвы в замке. Доносившийся оттуда шум свидетельствовал, что комиссар благополучно добрался до коридоров нижнего уровня и методично уничтожал народоборцев.

— Ну и что будем делать, если он и чародея прикончит? — спросил один из крестьян.

— У нас пленник. Никуда не денется, сдастся, — заявил голова, но голос его звучал неуверенно.

Связанный Захар следил за крестьянами, видел страх, застывший на их лицах, и в душе радовался каждому воплю, доносившемуся из замка. Однако смутное чувство тревоги не покидало его. Справится ли Кирилл Иванович с чародеем?

...

Продвигаясь вперёд по темному коридору, комиссар понял, где поджидал его волшебник — на тренировочной площадке. Во времена, когда замком владел отец Кирилла, каменный пол площадки посыпали мелким щебнем, поверх укладывали соломенные маты. Упражнялись не столько в фехтовании, сколько в силовых видах спорта: кулачный бой, борьба.

Кирилл помнил как против него, совсем ещё мальчишки, выпускали крестьянских ребят в два раза старше. Обрадованные тем, что можно поколотить барчука, они придавались своему делу с особым удовольствием, не жалея сил. А после каждого такого урока Кирилл с мокрыми от слез глазами, разбитыми носом и губами подходил к отцу в поисках утешения. Иван Трофимович утешал мальчика, а на ухо шептал:

— Пойми только, что делаю не истязаний ради, а в целях нравоучительных. Прежде чем руководить чернью, ты должен познакомиться с их природой, понять, почему мы поставлены Господом и Царём над ними. По сути, это говорящие животные, не чувствующие жалости. С той же тупой ненавистью, с которой они избивают тебя, они начнут творить всевозможные злодейства, дай им только волю.

Тогда Кирилл верил, но с тех пор прошло пятнадцать лет. Чернь поднялась против

господ, а Иван Трофимович умер. Кирилл же возвращался к тому самому месту, где в его душе пытались посеять семена ненависти к родному народу путем бессмысленных и беспощадных истязаний.

Коридор расширялся, за очередной аркой открывалось просторное, обрамленное высокой стеной помещение, к которому вели еще три прохода, расположенные в точности по сторонам света. Щебня и соломенных матов не было, на каменном полу мелом были начерчены три концентрических круга — в центре стоял волшебник. Он знал о приближении Кирилла, но не тронулся с места. Комиссар не торопился входить в зал, скрывался за аркой, готовил пистолет с заговоренными пулями.

В воздухе веяло озоном — очевидно, чародей наколдовывал электрический разряд. Волшебство сильное, Кирилл не был уверен, что его оберег справится даже с одним ударом колдовской молнии, которая достигнет цели. Заболтать, попытаться убедить сдаться? Но тогда заговор от морока перестанет действовать и без того сильный колдун получит дополнительное преимущество. Нет, нужно максимально ослабить защиту чародея и надеяться, что он сам выкажет желание сдаться.

Прикинув количество шагов до соседнего прохода в коридор, Кирилл счёл, что единственной возможной тактикой в данном случае будет пальба с перебежками от одного коридора к другому, в которых он сможет укрыться от молний волшебника.

Закрыв глаза, Кирилл произнёс слова старинной молитвы, которую заучил ещё в детстве. Выбежал из коридора, начал стрелять. Чародей беззвучно повернулся на одних носках, прошептал под нос слова заклинания, выполняя замысловатые пассы руками. Яркая вспышка, жуткий грохот, цепочка молний обожгла стену, Кириллу пришлось кувыркнуться, чтобы уйти от удара, не успел он ещё встать, как тут же последовал второй разряд, третий. Казалось, чародей не мог не попасть, но каким-то чудом, буквально катаясь по земле, комиссар сумел добраться до выхода и скрыться за аркой. Мощнейший разряд ударил в её свод, кирпичи разлетелись в стороны, Кирилла отбросило, оберег нагрелся, но уцелел. Проход был завален, в голове комиссара шумело. Он встал на ноги, услышал приближающиеся шаги — чародей шёл навстречу! Кирилл бросился наутёк — теперь уж он не сомневался, что прямое попадание разом угробит его.

Свернул на первой же развилке, очутился в ещё одном коридоре, ведущем к площадке. Если успеть раньше чародея и нарушить целостность кругов, заклинания не будут столь эффективны. Он ворвался на тренировочную площадку, когда чародей стоял у разрушенной арки и вглядывался во тьму, застал последнего врасплох.

Стреляя на бегу, он вонзил меч в границу первого круга, кувыркнулся, уклоняясь от молнии, швырнул первую из припасённых гранат, отскочил к стене и лёг на землю. Гроыхнуло так, что пол затрясся. С потолка и стен посыпалась пыль, вокруг ничего не было видно, но комиссар прекрасно ориентировался на площадке, точно знал, где оставил свой меч, мог найти его с закрытыми глазами.

Брошенные наугад, блеснули две молнии, ударили совсем не туда. Кирилл сумел вытащить меч из каменного пола, но клинок лязгнул, волшебник сориентировался и направил очередной разряд точно в цель. Комиссару удалось отскочить. Стараясь двигаться зигзагами, он нырнул в коридор, спрятался там. Хотел перевести дыхание, но тут увидел, что прямо напротив пулемётный расчёт — солдаты навели на него ствол оружия, открыли огонь. Его оберегу не справиться с такой скоростью пальбы, даже если пули незаговорённые, он выскочил обратно в коридор и тут же поплатился — разряд угодил прямо в грудь, его

отбросило обратно, оберег разлетелся на мелкие кусочки, пурпурно-синеватый язык молнии обжёг плечо. Кирилл откатился обратно в коридор, в котором только что видел пулемётный расчёт — то был морок! Теперь уж точно не было права на ошибку.

Прикинул, сколько заговоренных патронов осталось, сменил магазин, когда услышал шаги, выхватил вторую гранату и бросил, сам же побежал в противоположном направлении, рассчитывая и в этот раз одурачить чародея. Граната взорвалась, казалось, началось землетрясение, которое погубит всё здание. Кирилл не стал сворачивать в другой коридор, метнулся в обратную сторону. Замысел удался — чародей направлялся к единственной неповрежденной арке, Кирилл же вылетел из другого коридора, пулей метнулся к своему противнику, завертелся вихрем, нанося удары клинком чередующиеся с пистолетными выстрелами, умудряясь оставаться за спиной чародея.

Вспышка!

Цели не достигла, но обожгла, из рубца на спине слабо сочилась кровь. Комиссар приземлился на четвереньки, вонзил меч во второй круг, кувыркнулся, уворачиваясь от направленного прямо в него разряда, выдал последнюю серию выстрелов заговоренными пулями, бросился к заваленному аркой проходу, но вместо того, чтобы скрыться под сводом врезался в стену.

Морок! Сместиться не успел — молния ударила в спину, чудовищная боль пронзила левый бок, Кирилл не удержался, вскрикнул, но самообладания не потерял. Чародей тоже не всемогущ — колдовство ослабло, раз молния не убила, значит запас прочности волшебника подходил к концу.

Действуя инстинктивно, комиссар сместился в сторону. Вовремя — молния ударила в то самое место, где он стоял мгновение назад, но лишь слегка пошкрябал стену, а не размолола камень в пыль, как было поначалу.

Кирилл почувствовал, что хромает. Плохо — пока ещё он передвигался быстро, но если повреждение серьёзное, то очень скоро даже адреналин не поможет и боль сломит его. Нужно было поскорее справляться с чародеем.

Уклоняясь от очередной молнии, комиссар перезарядил пистолет, открыл огонь обычными патронами, сильно толкнулся здоровой ногой, кувыркнувшись очень далеко. Очутился прямо у меча, но вытащить клинок не успел — волшебник разгадал его замысел, ударил прямо туда, где он приземлился, заставив комиссара отскочить назад. Недолго думая, комиссар встал и, отступая, принялся стрелять по контуру последнего, центрального круга. Удалось — слабый, напоминающий флуоресцентный свет, исходящий от окружности, погас, знаменуя нарушения целостности контура. В этот момент молния ударила прямо в левую ногу, заставив Кирилл закричать во второй раз. Он упал, откатился в стону от очередной пущенной в его сторону молнии, попытался встать, но тут же припал на колени, пользуясь лишь правой ногой и руками, сумел скрыться от атак волшебника в ближайшем коридоре. На этот раз чародей не торопился подходить, выжидал.

Кирилл поглядел на раненную ногу — через бедро тащился жуткий черно-алый шрам, исходил запах палёного мяса. С задней стороны голени кровила другая жуткая рана. Наконец болела область чуть ниже ягодицы — туда колдун угодил в самый первый раз. Пощупав заднюю часть бедра, Кирилл скорчился от боли — казалось, молния выдрала кусок мяса. Из коридора донёсся лязг меча — чародей пытался вытащить вонзенное в пол оружие комиссара.

Кирилл зарядил последний магазин, прыгая на одной ноге, выскочил в зал, с ходу

открыл пальбу, неуклюже свалился набок, стараясь выполнить кувырок. Чародей, застигнутый комиссаром у меча, снова принялся читать заклинание, но вид у него был измождённый. Мог бы прикончить Кирилла, но молния ушла куда-то в сторону, со второй сумел совладать, но комиссар уже очухался, откатился, выстрелил. Тут настала очередь чародея кричать — оберег на его груди вспыхнул, рассыпался.

— Сдаюсь! — завопил колун, подавшись назад, будучи уверенным, что следующая пуля убьёт его.

— Руки подними, пой гимн своего ордена, — потребовал стоявший на коленях и державший чародея на мушке комиссар.

Волшебник подчинился немедленно, Кирилл отложил пистолет в сторону так, чтобы в любой момент мог схватить его и прикончить колдуна, занялся перевязкой своих ран.

...

Взрывы и грохот, доносившиеся из замка, стихли. Крестьяне испугано переглядывались, один из них подошёл к голове.

— Так что же, Никита Алексеевич?

Тот пожал плечами

— Вы, — обратился он к двум крестьянам, — заберитесь на тот уступ, если увидите, что выходит комиссар, стреляйте в спину. Вы втроем караульте здесь, остальные в рожицу. Этого, — он кивнул в сторону Захара, — тоже туда волоките.

Устроив засаду, крестьяне стали ждать.

...

— Слышишь как тихо, — сказал Кирилл волшебнику. Тот мрачно посмотрел на него, ничего не ответил. — Голова за вас, ясное дело, вот только скольких он с собой приволок. А с тобой что делать прикажешь?

Волшебник продолжал молчать.

— Не знаешь? Ну, тогда не обижайся, — Кирилл в полсилы ударил колдуна рукоятью пистолета в затылок. Тот потерял сознание, бухнулся на землю. Проверив пульс(бывало, после таких ударов люди уже не приходили в себя), Оболенский убедился, что чародей жив, после чего стал готовиться к предстоящей битве. Он хромает, в пистолете осталось всего два патрона. По дороге он, правда, захватил винтовку одного из народоборцев, но с боевым стилем комиссара она не сочеталась.

Оторвав широкий клочок рукава рубашки, Кирилл плотно затянул израненный голеностоп, меч снял с пояса, повязал себе за спину, схватив двумя руками винтовку, стал подниматься по ступенькам вверх, к выходу из подвала. Не торопился, подождал, когда глаза привыкнут к свету, сконцентрировался и произнёс простенькое заклинание, пытаясь вызвать морок. Сомневался, что получится: обет молчания он хранил недолго, произнес много ненужных слов. Всё-таки вышло — в воздухе материализовался двойник Кирилла. Даже с полувзгляда было понятно, что это не человек, но крестьяне нервничали, могли спутать.

Не успел двойник подняться из подвала, как прогремела канонада выстрелов, фантом растворился, но этого было достаточно. Над входом в подвал не меньше двух человек, в кустах на пригорке пряталось ещё как минимум трое. Оттолкнувшись здоровой ногой, комиссар прыгнул, придав себе вращательный момент. Развернувшись в полете спиной к прятавшимся в кустах, он сразу заметил затаившихся над выходом крестьян, которые растерянно смотрели туда, где только что растворился его двойник. Целиться из винтовки

было неудобно, но в полете он успел выстрелить трижды, одного убил с ходу, второго серьезно ранил — крестьянин застонал, выронил ружье, хотел отползти, да неуклюже грохнулся вниз с надстройки, на которую они с его сообщником забрались. Упал неудачно — шмякнулся головой об угол ступеньки, пробрил череп, вероятнее всего умер.

Кириллу некогда было интересоваться судьбой бедолаги, он перевернулся на живот, стал стрелять по прятавшимся на пригорке крестьянам. Стрелял практически наугад, стараясь в памяти воспроизвести траекторию пуль, направленных в его двойника. Ему опять повезло, — после пятого выстрела один крестьянин завопил, двое других побросали ружья, бросились убегать. Вовремя — в винтовке у Кирилла остался один патрон. Тут в него стали стрелять со стороны рощи. Пули ложились кучно, Кирилл чудом успел укрыться за стенами подвала. Попробовал встать на больную ногу. Больно, но терпимо. Успеет добежать до рощи? Другого выбора не оставалось. Выбросив винтовку, комиссар выхватил меч, набрав полную грудь воздуха, выскочил на пригорок, вращаясь, рывками передвигаясь из стороны в сторону, нарезая зигзаги по неудобной каменистой почве, претерпевая боль, он поднимался к роще.

Стрелки оказались опытными, не палили напропалую, выжидали, залпы стали давать только когда Оболенский подобрался очень близко. Сразу две пули достигли цели — левое плечо вспыхнуло огнем, обожгло правый бок. Кирилл потерял концентрацию, кувыркнулся наугад, сумел откатиться в сторону, укрыться за деревьями. Откуда не возьмись появился крестьянин, направил ружье, выстрелил, но комиссар отреагировал, сместившись и метнув меч. Клинок пронзил грудь несчастного, он рухнул. С проворством и грацией пантеры Кирилл подскочил к телу, не обращая внимания на кровь, сочившуюся из плеча, заливавшую спину, вытащил меч, перемещаясь от одного ствола дерева к другому, стал приближаться к основной массе устроивших засаду селян.

Вот он возник за спиной одного, нанёс размашистый удар, перерубив крестьянину позвоночник. Находившиеся рядом оказались слишком неповоротливыми для комиссара, не успели наставить свое ружье на Кирилла, как он рассек одному шею, другому отрубил челюсть, заставив визжать от чудовищной боли, захлебываться кровью. Когда же оставшиеся открыли огонь, комиссар метнулся за дерево, пули разрезали воздух. Но вот он снова возник, размахивая клинком, словно жерновами смертоносной мельницы. Замертво повалился еще один крестьянин, судорожно хватаясь за перерезанное горло, завопил другой, прижимая к груди перерубленную руку, ружье третьего взорвалось у него в руке, будучи рассечено размашистым ударом, край лезвия вонзился в грудь четвертого, кромсая плоть и кости, словно хлеб, пятый бросился было бежать, но выверенный удар в левую часть спины заставил застыть его на месте.

Еще один, залп, но комиссар опять растворился среди деревьев. Хотя многие из крестьян и прошли через фронт Мировой войны, они никогда не сталкивались с человеком, который холодным оружием был способен перебить десяток вооруженных ружьями мужчин. Нервы не выдержали, крестьяне бросились прочь из рощи, выбежали на открытую местность, остановились метрах в тридцати, на пригорке, дрожащими руками направляя стволы в сторону, рощи. Из тридцати человек, пришедших сюда, в живых оставалось от силы двадцать. Испуганный голова приставил нож к горлу Захара, безумными выпученными глазами вглядываясь в рощу, закричал:

— Хватит, Оболенский. У нас твой человек. Сдавайся, или мы перережем ему глотку.

В ответ тишина.

— Никита Алексеевич, давай отдадим его! — взмолился один из крестьян. — Этот же, — крестьянин ткнул стволом ружья в сторону рощи, — нас всех убьет.

— Замолчи! — приказал не меньше его напуганный голова. — Слышишь, Оболенский! — снова заорал он, стараясь держаться уверенно. — Прикончим твоего дружка, а потом и до тебя доберемся.

— Это вряд ли, — прозвучал на этот раз громкий и уверенный ответ. — Вы, конечно, можете убить Захара. Но со мной так просто не выйдет. Уже должны были понять.

— Так что, готов пожертвовать жизнью своего товарища, ублюдок?! — заорал голова, теряя самообладание.

— Правильно, Кирилл Ваныч! — выкрикнул Захар. — Не сдавайтесь им!

Голова зарычал, толкнул Захара в спину, ногой ударил в висок. Тут же из рощи прогремел выстрел, один из крестьян, стоявших рядом с головой, упал замертво. Перепуганные селяне попадали на землю, даже не помышляли о том, чтобы начать отстреливаться.

— Я не договорил! — донесся стальной озлобленный голос комиссара. — Вы можете убить Захара и если так поступите, я перестану относиться с моему заданию, как к формальности и стану мстить. У меня здесь как минимум пять двухзарядных ружей, хватит, чтобы перебить почти всех вас. Я бы мог сделать это уже, но пока меня сдерживает тот факт, что наркомату обороны нет до вашего села никакого дела и мне не поручали наводить здесь порядок и устанавливать власть Народного Собрания. Однако со смертью Захара все переменится. Более того, я не ограничусь убийствам тебя и твоих приспешников, — голос повысился, слова звучали страшнее канонады артиллерии. — Я вырублю всю вашу деревню! Детей, женщин, парней, девушек — всех! Убивать буду у тебя на глаза, Никита Алексеевич, тебя прикончу последним, четвертовав! Трупы выброшу в реку, а Оболенское выжгу дотла. Никто и никогда не вспомнит о том, что здесь когда-то жили люди. Никто и никогда! — с надрывом в голосе повторил он. — Вот что будет, если Захар умрет.

Вжавшиеся в землю крестьяне заскулили, Никита Алексеевич схватился за голову. Захар, на мгновение потерявший сознание, пришел в себя, блуждающим взглядом смотрел по сторонам.

— Э, комиссар, никто его убивать не будет! — закричал вдруг один крестьянин. — Не стреляй, мил человек, я его развяжу.

Встав с земли, селянин направился к Захару. Из рощи не донеслось ни звука.

— Стой, дурак! — воспротивился было голова, да тут остальные крестьяне, увидев, что в их товарища никто не стреляет, загомонили.

— Не смей ему мешать! Только тронь! Пускай освобождает! — донеслось со всех сторон.

— Да он же поубивает нас, как вы не понимаете! — возразил было голова, да тут кто-то подскочил и врезал ему. Захара освободили, а крестьяне толпой стали мутузить Никиту Алексеевича.

— Из-за тебя, скотины, наших братьев поубивали. Не ввязывались бы никуда, никто бы нас не тронул. Дать им переночевать, да дело с концом, полез, жирная свинья!

— Товарищи крестьяне! — донеслось из рощи, заставив избиение прекратиться. — Ружья свои нарармейцу сдайте и трех лошадей сюда приведите!

На этот раз пререкался никто не стал, Захар забрал оружие, пошел в рощу, к Оболенскому. Бледный, истекающий кровью Кирилл слабо улыбнулся, увидев друга.

— И в этот раз выкрутились, Захар, — произнес он слабым голосом.

— Кирилл Ваныч, да вы ж весь в крови! — всплеснул руками Захар.

— Ерунда. Та, что в плечо угодила, навывлет прошла, бок только прочесало, — комиссар достал из небольшого кармашка на внутренней стороне штанины бинт, стянул с себя рубаху. Сейчас перемотай, как сможешь, там разберемся. Уходить нужно и поскорее. Где Гришка?

— Предал он нас, Кирилл Ваныч, — сообщил Захар, перебинтовывая комиссара. — Предал. Сергей Митрич Салтыков приезжал. Он возглавляет местных народоборцев. Они-то нас с Гришкой и повязали.

— Салтыков? — обнадежено переспросил комиссар.

— Салтыков, — подтвердил Захар, краем глаза поглядывая на выражение лица своего командира.

— Думал, убили его во время Гарского сражения, — тихо произнес Оболенский. — Живой все-таки, — улыбнулся, вспомнив старого друга, с которым оказался по разные стороны баррикад. Не мог скрыть радости от осознания того, что Салтыков жив.

— Гришка-то им зачем? — опомнившись, спросил комиссар.

— Я-то почему знаю.

— Выходит, не на пустяковое дело нас отправили, Захар.

— А бывало такое, что отправляли на пустяковое? — задорно улыбнулся солдат.

Оболенский засмеялся, слегка поморщившись от боли в плече.

— И правда, не бывало, — ответил он.

Захар закончил перевязку, помог комиссару снова надеть рубашку. Оболенский встал, сильно припадая на больную ногу.

— Теперь спустись в подвал, там волшебник, надеюсь, без сознания. Приведи в чувства и веди сюда, надо будет допросить.

— Слушаюсь!

— Одно ружье возьми, за крестьянами глаз да глаз.

Мешать Захару никто не стал. Когда же сельчане увидели, как из подвала выводят живого волшебника, еще больше обозлились на голову, поняв, что если бы сами не напали на комиссара, все остались бы живы. Кирилл прислушивался к их разговорам и из услышанного понял, что за жизнь Кирилла Алексеевича теперь никто не поручится. Вскоре к роце привели троих коней. Связав волшебника и кое-как усадив его в седло, народники ускакали, с осторожностью поглядывая на крестьян. Впрочем, скрывшись от глаз селян, остановились. Кирилл приказал стащить волшебника с седла, поглядев на него при дневном свете, сразу же узнал.

— Эразм, и ты здесь, — усмехнувшись, сказал Кирилл.

— Я вот сразу тебя узнал, Оболенский.

— Прости, у меня на шваль память плохая. И ты, и Салтыков кружитесь вокруг Оболенского. Что-то намечается?

— Тебе-то какое дело, комиссар?

— Я кое-что слышал, Кирилл Ваныч, — вмешался Захар. — Они про какие-то отряды говорили.

— Про отряды? — до того слабо улыбавшийся Кирилл посерьезнел — Что за отряда, колдун?

Эразм молчал.

— Ты понимаешь, что на кону твоя жизнь?

— Подполье и партизанщина, — нехотя заговорил чародей. — Мы развернули здесь сеть, вербовали крестьян, готовили выступление против вас.

Кирилл скривился, провел правой рукой по своим коротко стриженным волосам.

— Понимаешь Захар?

— А чего же не понимать, Кирилл Ваныч. — Они нас в глубоком тылу укусить решили, пока мы на Западе добиваем интервентов.

— Надо срочно возвращаться, обо всем доложить.

— Так поехали, — согласился Захар.

— Поедешь один.

— А вы?

— А я поеду за Салтыковым. Нужно узнать, зачем им был нужен Гришка.

— Кирилл Ваныч, вы, конечно, за старшего, но я не могу согласиться с этим решением. Какая разница, чего они хотят от предателя, если тут народоборцы развернули партизанскую войну?

— Именно поэтому разница есть. Времени мало и пререкаться некогда. Поезжай, — мягко попросил Кирилл.

— Я сделаю, как вы просите, но знайте, решения вашего не одобряю, — повторил Захар.

— Со мной-то что будет? — заговорил до того молчавший колдун.

— Я бы отправил тебя с Захаром под честное слово, Эразм, — отозвался Кирилл, — да вот только в прошлый раз ты своего слова не сдержал.

Комиссар вынул меч из ножен.

— Захара ты обманешь простеньким мороком, с собой я тебя взять не могу.

— Я рассказал о партизанщине, комиссар, — с презрением посмотрел на Оболенского волшебник. — У нас вроде уговора. Поступишься своими хваленными принципами и казнишь без суда и следствия пленного?

— Задача политика заключается не в том, чтобы следовать моральным принципам, — произнес Кирилл, — а в том, чтобы взять на себя ответственность, когда общее благо требует эти принципы преступить. Запомни Захар, то, что я сейчас сделаю, неприемлемо и судить себя я буду до конца жизни. Поступаю так не потому, что мне хочется, а потому, что иначе нельзя.

Эразм обреченно посмотрел на приближавшегося комиссара, Захар молча наблюдал за разворачивающейся сценой.

— За измену своему народу и революции приговариваю тебя к смерти, колдун, — произнес Кирилл.

Эразм тяжело вздохнул, губы его задрожали, глаза покраснели, он опустил голову, подставляя шею под меч.

— Убей меня быстро, — попросил колдун.

Когда казнь состоялась, комиссар и нарармеец разъехались в разные стороны.

Первая кровь

Красивые механические высокие резные часы, стоящие у стены, отбивали мерный ритм. Часовая стрелка улиткой ползла к цифре два, минутная черепахой стремилась к десятке, а секундная кузнечиком перескочила шестерку. Крупный сенбернар, раскинувшись на красивом восточном ковре, дремал, время от времени лениво приоткрывая глаз и поглядывая в сторону двери. В клетке, стоявшей у перегородки между двумя смежными комнатами, скакала канарейка, рядом с ней располагался старый залакированный шкаф с изящно выполненными ножками и расшатавшимися на некоторых ящичках ручками. По диагонали от шкафа, под крупным окном, выходившим на оживленный проспект, лежала красивая молодая женщина. Кудрявая, одетая в нарядное белое платье, украшенное розовыми бантиками и переливавшимся в солнечном свете камешками, она беспокойно шевелила губами, хмурилась, ворочалась, измяв свою одежду.

В этот самый момент из коридора донеслись шаги, сенбернар встревожился, поднял голову, наострил уши. Дверь, располагавшаяся рядом с часами, открылась, внутрь заглянул бородатый сердитый мужчина с симметричными залысинами на висках. Увидев, что женщина спит, он хотел бесшумно ретироваться, но сенбернар, узнав хозяина, с удивительной для столь крупной собаки проворностью подскочил и радостно загавкал.

— Папа? — встрепелась, открыла глаза спавшая. — Это ты?

Вспорхнув ласточкой, она подлетела к отцу, бросилась в его объятия. Мужчина прижал дочь к себе, улыбнулся.

— Всё хорошо, Оля, всё хорошо, — прошептал он на ухо дочери, потом с напускной строгостью посмотрел на собаку, погрозил сенбернару кулаком.

— Бесстыжий, Оленьку разбудил!

Пес будто бы понял слова хозяина, пристыжено опустил глаза, тихонько заскулил, шаркнул лапой, словно приносил свои извинения.

— А Кирилл? — Ольга, наконец, оторвалась от отца и решила выяснить судьбу своего возлюбленного.

— Жив, — недовольно поморщился отец. — Идёт сюда.

— Что такое? — заметив недовольство отца, спросила Ольга. — Он повёл себя недостойно?

— Не знаю, — неопределенно повел плечами отец. — Нам приказ дали: не подчинятся — открыть огонь. Он стрелять не стал, всё увещевать их рвался.

— Разве это плохо?

— Я сам не сторонник кровопролития, доченька, но пойми, мы ведем тяжелую войну, а тыл разваливается. Мне самому жалко рабочих, да что там, — отец неопределенно махнул рукой, — даже убогих этих грязушей жалею, но нельзя миндальничать, когда Отечество в опасности. Он гвардеец, элита войск, гордость самого Государя, должен уметь перебороть сострадание, когда того требует обстановка. Вместо этого колеблется, не знает, как себя вести.

Отец вздохнул, перевел взгляд на часы.

— Ранили его. Лучшего фехтовальщика академии одолел простой рабочий!

Услышав это, Ольга побледнела.

— Да не пугайся ты, ничего страшного. По голове огрели, а он даже защищаться не

пытался. Зарезал грязуша, застыл над его трупом и стоит, смотрит, как тот подышает. «Товарищ» со спины к нему подкрался и приложил. Не окажись Сергея Салтыкова рядом, убили бы. А я ведь знаю Кирилла, у него уши на макушке, он не мог не заметить подлеца, но это убийство, его первое убийство, что-то в нем надломило. Как бы не потерять парня. Ты уж поговори с ним Оля, он тебе верит, всё расскажет. Разговор мне передашь, подумаем, решим, как поступить. А вот и он!

В коридоре появился мужчина лет двадцати с перебинтованной головой и отсутствующим выражением лица. Ноги переставлял механически, смотрел куда-то вдаль, выглядел растерянным.

— Кирюша! — испуганно выкрикнула Оля, вырвалась из объятий отца, побежала навстречу своему возлюбленному.

Звук ее голоса словно бы вернул Кирилла на бренную землю, он посмотрел в выразительные карие глаза Оли, заметил непослушный светлый локон, зигзагом упавший на белый гладкий лоб девушки, зарумянившиеся от волнения щеки, наряд, который она надевала только по праздникам.

— Куда же ты так вырядилась? — удивленно спросил он, когда Оля крепко обняла его, продолжая стоять столбом.

— Я с бала приехала, не могла отказать Анастасии Михайловне. Но когда узнала, что вас отправили в трущобы подавлять бунт, мигом сюда примчалась.

— Это ты с ночи здесь? — спросил Кирилл, снова устремив взгляд вдаль.

— Да, Кирюша, — Ольга отстранилась, посмотрела на бинты на голове Оболенского. Нежно коснулась их рукой. — Больно?

Кирилл ответил не сразу — казалось, он ее не услышал. Но спустя несколько мгновений словно бы прозрел, отрицательно покачал головой.

— Нет, не больно. Все уже прошло.

— Мне отчитываться надо, — подал голос отец Ольги, поняв, что он тут лишний. — Ты, Кирилл, — мягко сказал он, — приходи в себя. Но потом поговорить с тобой надо будет. Думаю, понимаешь о чем.

Кирилл тяжело вздохнул, кивнул. Похоже, только сейчас он полностью пришел в себя: вернулась оживленная мимика, присущая Кириллу, глаза забежали, лицо налилось румянцем.

— Я здорово вас подвел, Павел Степанович? — спросил он, потупив взор.

Генерал улыбнулся, понял, что не может долго злиться на своего любимца, смягчился.

— Не переживай, дело пустяковое. Но лучше такому не повторяться.

— Простите, генерал! — выдавил из себя Кирилл.

— Отдыхай, тебе серьезно досталось, — сжав губы, дабы сдержать улыбку, произнёс Голицын и ушел.

Ольга взяла Кирилла под руку и увлекла за собой, в кабинет отца. Сенбернар начал кружиться, обнюхивать Кирилла, но Ольга прогнала пса, не обратив внимания на возмущенное гавканье последнего, усадила Кирилла на диван, заперлась, вернулась к любимому, подняла его ладонь, поцеловала пальцы, прижала к щеке.

— Что случилось, Кирюша? — ласково спросила она. — Мне-то ты можешь рассказать.

— Я никогда до этого не был в трущобах, Оля. Не видел ничего подобного. Ты просто не представляешь. И я представить не мог, — голос Кирилла задрожал, Ольга с ужасом заметила, что на глазах гвардейца навернулись слезы. До сегодняшнего дня Кирилл казался ей железным человеком, у которого нет никаких слабостей, кроме искренней и трепетной

любви, которую он испытывал к ней. Но сегодня она узнает о нём что-то новое, разглядит черты характера, о существовании которых и не подозревала.

— В детстве я с отцом жил на востоке Империи, — собравшись с мыслями, начала рассказ Кирилл. — Я никогда не видел представителей других рас — даже грязушей, которые живут повсюду — не знал, что такое труд рабочего. Там ведь одни крестьяне-землевладельцы, батраки, да охотники. Кто-то беднее, кто-то богаче, но все живут в достатке. Моего отца любили, хоть он и помещик, жили дружно, перед царем испытывали благоговение, не верили в рассказы иногда заезжавших в Оболенское революционеров-пропагандистов, повествующих о жизни в городах. Когда я поступил в академию, я кружился только в богатых кварталах. Мне приходилось сталкиваться с нищими и попрошайками, но я всегда считал их бездельниками и разгильдяями, которых следовало пороть кнутом и заставлять работать, а не подавать им милостыню и бесплатно кормить. Потому и презирал дворян-филантропов, рассуждавших о необходимости глубоких реформ, перестройки общества. Лицемеры, рассуждал я, хотят использовать революционеров в своих целях, прогнать царя и установить власть подчиненного им парламента, по примеру островов. Выпустите гвардию в мятежные регионы, устремлял я свою мысль к логическому концу, позвольте задушить заразу на корню и революции не будет. Пересажайте иностранных шпионов, которые одаряют деньгами революционеров, а не можете посадить, вышлите из страны. На том всё и закончится. Так я думал до того, как на нас с Дмитрием возложили задачу выведать у рабочих в трущобах подробности о готовившемся мятеже. Ты знаешь, мы почти месяц болтались там под видом безработных, шпионили. Невольно оказались втянуты в жизнь трущоб и впервые мне открылись те страницы жизни, которые в силу моего тупоумия, ограниченности, оставались неведомыми, — Кирилл скривился.

— Да что же там случилось? — Ольга обеспокоенно посмотрела на гвардейца.

— Девочка, лет одиннадцати, не старше. Шатенка, грязная, а глаза пустые, голодные, мертвые. Я думал, попрошайничает, подошел с монетой, протянул, а она как глянет на меня: столько злобы, столько ожесточения в глазах, а на лице холуйская улыбка. Взяла за руку и куда-то тащит. Ну, я за ней. Проулок петляет, вокруг грязные обшарпанные каменные стены, где-то в глубине стены расползаются, стоит покосившийся сарайчик. Волочет меня туда, а я понять ничего не могу. Засада, думаю, ограбить попытаются. Приготовился, пистолет у меня всегда при себе. Заводит внутрь — стены пыльные, серо-зеленые от грибка, мерзкий затхлый запах сырости. По полу бегают худющие мыши. Заприметив нас, юркнули под половицу. Она меня к кровати, что в углу стоит, подводит, сама ложится на черно-ржавый измятый матрац, задирает подол юбки...

— Прекрати! — покрасневшая от стыда Ольга не выдержала. — Ты в своих трущобах совсем о приличиях забыл, что мне такие вещи рассказываешь?!

Кирилл поднял глаза, посмотрел на нее как-то иначе, словно на чужую.

— Приличия? — ухмыльнулся он. — Ты знаешь, почему она стала проституткой в одиннадцать-то лет? Неоткуда больше денег взять. Местная забегаловка, трактир или что-то наподобие. Там постоянно собираются рабочие. Вот и её отец туда ходит. Уже год работы найти не может — молодые, что из деревни едут, за копейки готовы трудиться, а ему, чтобы семью прокормить за те деньги круглосуточно нужно корпеть. Пьет он там от горя, что жена и дочь в проститутки подались. А знаешь, откуда деньги на выпивку получает? От них и получает — жены и дочери. Нам всегда говорили, что только мятежники поднимают бучу на ровном месте, всего-то у них в достатке, просто ленивы крестьяне да рабочие. Больше бы

работали, больше бы и зарабатывали. Не спорю, может оно и так. Пример другой семьи известен. Там трое мальчат, вместе с отцом на фабрике одного промышленника трудятся. К детям помягче относятся — всего по десять часов работать заставляют, отцу сложнее — пятнадцать, а в иной день и по шестнадцать часов не покладая рук крутится. Видел тех детишек. Глаза такие же мертвые, как у малолетней проститутки. Не таким я был в детстве, Ольга, не таким.

— Все это ужасно, но Кирилл, этим людям постоянно помогают, мы сами регулярно жертвуем нуждающимся.

— А знаешь, как относятся люди, даже самые угнетаемые, на вроде упомянутого мною отца малолетней проститутки, к грязушам? У меня на глазах рабочие забили троих до смерти. Догадаешься за что? За то, что показались у трактира в дневное время. Их заставляют копать шахты, спасать рабочих из завалов, но ходить по трущобам в дневное время не позволяют — они, видите ли, оскорбляют своим жалким и уродливым видом людей, высшую расу. Я посетил район, населенный ими. Поговорил с одним из грязуш. Он хоть изъясняется и с трудом, но рассказать, как им живется, сумел. Комнатка пять на пять метров — внутри десятков грязушей. Они хоть и низенькие, худенькие да всё равно тесно. Вспышки эпидемий регулярны, у них в шерсти заводятся блохи, которые разносят заразу по всем трущобам, страдать начинают и люди, а винят во всем грязушей. «Позвились би ви вси», — передал мне слова одного человека представитель этого народца, с которым я беседовал. Он еще уточнил: человек этот хороший, никогда их не бьет, другие гораздо хуже. Особенно дети — бывает, развлечения ради забирают у матери весь выводок грязушей и бросают в речку. Крохи своими широкими лапками воду под себя загребают, барахтаются, а все бестолку — камнем уходят под воду. А ребятня смотрит на это и от смеха животики надрывает. И всё бы хорошо, да в сторонке мать-грязуша стоит да тихонько поскуливает, оплакивая своих без вины убиённых детишек.

— Но закон запрещает убийства грязушей, — пролепетала Ольга.

— Закон? — Кирилл усмехнулся. — Разбойники в трущобах считаются самыми уважаемыми людьми. Городовые, что назначены порядок устанавливать, и носа в трущобы не суют, если дело серьезное. Раз посреди ночи ограбили одного да побили, так он к городовому, на помощь звать. Тот в свою очередь ещё ему наподдал, да сказал, если не уймется, за шум в ночное время арестует. Убивают не только грязуш, но и людей. Утром приходят, труп на кладбище отволокли и всех дел. Сам видел, как жена над убиенным мужем рыдает, на душегуба указывает, а никто и пальцем не шевельнет. На следующий день душегуб к той женщине забрался и убил. Только тогда арестовали, да ему-то что — сбежит с каторги, вернётся, никто и искать не станет. Не впервой уже.

— Почему же вы не вмешались?

— Потому что мы, Оленька, искали мятежников, у которых нет причин для возмущения, которые с жиру бесятся, да от лени своей злобой исходят. Нашли, — Кирилл поднял брови. — Сумел втереться к ним в доверие. Мы говорят, за то, чтобы дети не работали, взрослым платили и не смели уволить без причины, не обеспечив отпускные, чтоб по старости выплаты были, люди отдохнуть могли, а грязушей трогать не смели. Чтоб убийцы сидели по тюрьмам, а рабочие больше восьми часов не трудились. Чтоб каждый мог обеспечить себя своим трудом, а не уповать на милость богатеев, государя, да прочих благотворителей. Впервые на этом собрании видел, чтобы люди сидели рядом с грязушами и не морщились от отвращения, более того, слово им давали, терпеливо выслушивали — ты же

знаешь, как тяжело дается наша речь грязушам — а иногда советы принимали. Готовили они мятеж по случаю затянувшейся войны. Достали и оружие, и патроны. Людьями они оказались до наивности доверчивыми — выведать удалось всё: имена, фамилии, суммы поступлений, кто, зачем и почему спонсировал. Список обширный, были и наши республиканцы, и иностранцы, заинтересованные в том, чтобы у в Империи вспыхнула революция. Как всё вызнали, дали команду задушить мятеж на корню. Если не подчинятся — расстрелять.

— А вы что? — спросила взволнованная Ольга.

— Мы что? Подчинились. Ворвались в квартиру ночью, арестовали всех заговорщиков. Они сначала не слушались, Сергей уже стрелять хотел, но я сумел договориться. Шло к тому, чтобы дело закончилось бескровно, да тут один грязуш ухватил своими нелепыми руками-лапами пистолет, да в меня целится. Я действовал инстинктивно — сместился в сторону, выхватил меч, метнулся к нему, рубанул от плеча наискось...

Ольга зажмурилась, отвернулась, а Кирилл весь бледный вспоминал, как руки и половина головы грязуша шмякнулись наземь с противным звуком, а лезвие меча Оболенского окрасилось багрянцем.

— Пролил свою первую кровь. Я ведь был готов к этому морально, но здесь случилось что-то странное, неправильное. Поднялась суматоха, а я застыл на месте и глядел на кисть, отдаленно похожую на человеческую, на пистолет откатившийся в сторону от убиенного мною, — Кирилл тяжело вздохнул. — Слышал, что вокруг дерутся, стреляют, но понял, что не могу пошевелиться, просто стоял и смотрел на труп убитого грязуша. До сих пор понять не могу, ко мне смогли подкрасться и по голове ударить. Когда вокруг стихло, меня привел в чувства Сергей, спрашивает, мол, живой, а я ответить не могу. Думал, всё закончилось, а на деле было только начало. Трупы мятежников стали выволакивать, нас заметили жители трущоб, взбеленились. Поднялся настоящий бунт, а я никак не очухаюсь, перед глазами труп этого распроклятого грязуша, дрожащие пальцы с кротовыми коготками, эти мяслянисто-черные глазки, которыми он пытался рассмотреть меня. Они же полуслепые, понимаешь! Даже если бы выстрелил, скорее всего, промахнулся, но, думаю, он не собирался стрелять, хотел, чтобы его убили, потому что жизнь, которой он жил, была для него хуже смерти и раз уж его лишали возможности бороться за другую жизнь, он счёл за лучшее умереть здесь и сейчас. Гасить бунт привели солдат, меня поставили во главе отряда, твой отец приказал атаковать начавших строить баррикаду рабочих. Я действовал механически, отдавал какие-то приказы, бежал впереди, наделал кучу ошибок, подвергая доверенных мне людей опасности. К счастью, рабочие были безоружны, и первый же залп напугал их настолько, что они подчинились требованиям и стали расходиться. К утру бунт подавили, кого-то убили, правда, не много, больше пострадали случайные люди. Твоему отцу кто-то доложил о том, как я вел себя, руководя солдатами, он подошёл и стал отчитывать, а я сидел отрешённый и напуганный. Генерал, видно, что-то заметил, поменялся в лице, стал разговаривать мягче, а чуть позже сделался чуть ли не ласковым, сказал, что ты меня дожидаешься, привез сюда, — Кирилл вздохнул. — Я, знаешь, увидел тебя, а даже не обрадовался, всё перед глазами этот злосчастный разрубленный на кусочки грязуш.

Ольга обняла Кирилла, прижалась своими кучерявыми волосами к его щеке, сдвинула ладонь возлюбленного, поднесла к губам, поцеловала.

— Кирюша, тебе нужно отдохнуть и перестать думать об этом. Лучше вообще позабыть. Ложись спать, а завтра бал у графа Воронцова, там-то ты точно развеешься. Тем более что всё закончилось благополучно.

— Благополучно? — Оболенский усмехнулся. — Мятеж-то мы предотвратили, но Олечка, неужели ты не понимаешь, — он поднял её голову и посмотрел в светло-голубые искрящиеся глаза, — люди, что жили там, никуда не делись, они и дальше продолжают существовать в этом чудовищном, несправедливом мире.

...

Утром следующего дня Кирилл отрабатывал удары на манекене в академии. Высокий, почти десятиметровый тренировочный потолок, отмытый до зеркального блеска мраморный пол, витиеватые арки у стен, выполненные на древний манер, маты, уложенные в центре просторного зала, лестница и площадка на втором этаже для смотра — милая сердцу обстановка, место, где Кирилл всегда чувствовал себя уверенно. Но не сегодня.

Он все никак не мог выкинуть из головы увиденного и услышанного. Правда на стороне гвардии? Если подумать, нищие вызывали отвращение, а не сожаление, они были грубы, много пили, не следили за своим внешним видом, не занимались воспитанием детей. Но, с другой стороны, а как им быть? Где выход из сложившейся ситуации? Среда их сделала такими, а не по доброй воле они выбрали свой путь. Те, кто утверждает, что за счет способностей, старания, прилежания можно многого добиться, не работал с семи лет на фабрике по десять часов, его не грабили прямо на улице посреди белого дня, забирая зарплату за месяц, обрекая на голод, не доводили до звериного отчаяния, когда человек утрачивает достоинство и честь, ради куска хлеба, будучи готовым на любую мерзость!

Манекен сломался от мощнейшего удара разъяренного гвардейца. Кирилл отбросил клинок, сжимая и разжимая кулаки, стал метаться по залу, подобно взбесившемуся волку.

Разве не преступно бездействие власти, разве справедливы аресты, полицейские провокации, когда условия жизни толкают людей на бунт? Лечить симптомы или болезнь? Драться на стороне тех, кто давит и без того задавленных, или встать на защиту отверженных?

Мысль эта, окончательно сформировавшись, заставила Оболенского застыть на месте, настолько она казалась чудовищной и постыдной. Он гвардеец, давал клятву царю, его готовили защищать Отечество и самодержавие. Все, что имеет он, досталось ему по праву рождения. Выступи он против этого — лишится всего, сам станет таким же нищим. Отец учил Кирилла — чернь дика, завистлива. Дать им права, открыть ворота революции, и в стране развернется настоящая вакханалия, которая закончится тем, что самые подлые, хитрые и низкие представители черни выбьются наверх и займут место царя. Только вместо справедливого правления по праву крови начнется бесчестное правление по праву сильного. Он вспомнил, как в детстве дружил с крестьянскими детьми. Они не были бедны, как жители столичных трущоб, не голодали, но были озлоблены на него лишь за то, что он Оболенский. Может прав отец, и все, что можно сделать — это стараться смягчить страдания черни, безжалостно подавляя любые попытки разжечь мятеж?

Тут сверху раздался звук открывающихся дверей — на смотровой площадке появился всегда улыбчивый Салтыков. Был весел он и сегодня.

— Тренируешься? Вчерашних грязуш не хватило? — полушутя спросил Сергей, спускаясь по лестнице.

Слова друга обожгли Кирилла, он весь закипел внутри, покраснелся. Заметив румянец, покрывший его щеки, блуждающий взгляд, напряженное и суровое лицо, почувствовав смятение и неуверенность, обуревавшие Кирилла, Сергей посерьезнел.

— Что-то случилось с генералом? С Олей? Женщины порой пугаются, когда узнают о

подробностях ратных дел, на то они и женщины.

По выражению лица Оболенского Сергей понял, что ни разу не угадал.

— Ты же видел, Сережа, этот грязуш, он ухватился за пистолет понимая, что его убьют.

— Да, — подтвердил Салтыков.

— Так скажи мне, просто скажи, имел ли я право его убивать? Ты видел, как они живут, это же мука, а не жизнь! Он предпочел умереть, чем дальше влачить своё жалкое существование. Ты видел, как с грязушами обращаются люди?! А главное, как люди обращаются с людьми! Я говорил с Ольгой, думал, она меня поймет, ошибся. Не верил, что такое когда-то случится, считал, у нас с ней на двоих одна душа. Я ведь влюбился в неё без памяти, как увидел. А вчера почувствовал — она мне, как чужая!

Оболенский опустил голову, изобразив задумчивость, на самом же деле, попытался скрыть улыбку. Он знал Кирилла с детства, был осведомлен о его впечатлительности, чрезмерной для мужчин, обостренном чувстве справедливости и способности сопереживать даже самым жалким и ничтожным созданиям. Салтыков был другим. В детстве он и сам бывало, помогал топить выводок грязушей — не ради садистского удовольствия, а для контроля популяции. Уж больно быстро этот маленький народец начинал плодиться, когда люди уничтожали его естественных врагов, а это в свою очередь вело к тому, что грязуши от голода начинали съедать корни сельскохозяйственных культур, обрекая на голод людей. Ничего страшного и постыдного в этом Оболенский не видел — хотя грязуши и разумны, они стоят на ступеньку ниже людей и не далеко ушли от животных. Но говорить этого Кириллу не стал — знал, друг не поймет, раз убийство существа, больше похожего на крупного крота, чем на человека, так тронуло его сердце. Однако, Оболенский знал, как помочь Кириллу.

— А что ты предлагаешь, Кирилл? Считаешь бунт, который они затеяли, сделал бы их жизнь легче? Да в развернувшемся побоище их погибло бы куда больше, чем вчера.

— Ты никак не поймешь — он предпочел умереть, чем дальше так жить!

— Нет, если бы он предпочел умереть, кончил бы себя, а не метил в тебя. Да, им плохо, но это не оправдывает того, что они задумали — свергнуть законную власть, развернуть войну убивать своих угнетателей. Вот ты, Кирилл, думаешь, спасешься от их ненависти только за то, что жалеешь их? Как бы ни так — тебя они возненавидят больше тех, кто дерется против них. А знаешь почему? Потому что по своей природе они стремятся отнюдь не к равенству и братству, которое пропагандируют, а к тому, чтобы стать нами, занять наше место и измываться над теми, кто окажется внизу. Твой же благородный жест лишь обозлит их — отказывается от того, чего мы жаждем, значит, считает себя лучше нас! А быть лучшим среди равных не порядок. Они не верят ни в благородство, ни в честь, думают, мы тут только тем и занимаемся, что пьянствуем да портим женщин. Предположить даже не могу, что вот ты, например, мучаешься из-за них, думаешь, как облегчить их участь, жалеешь их. Им чужды все эти мысли и чувства, просто потому, что они являются карикатурой на нас в их собственном представлении.

Кирилл задумался. Слова Салтыкова удивительным образом совпали с мыслями, которые крутились в голове у него самого.

— Что же тогда делать?

— Выполнять данную нами клятву, Кирилл. Если, как нынче принято считать, колдуны смогли из обезьяны сделать человека, то из черни людей и подавно получится вылепить. Просто для этого нужно время, понимаешь?

Продолжая пребывать в задумчивости, Кирилл кивнул.

— Пожалуй, ты прав, Сергей.

— Ты сам себе не веришь, — усмехнулся Салтыков. — Зная тебе, предлагаю не торопиться с выводами и все хорошо обдумать. Если захочешь, я в любой момент готов поговорить с тобой на эту тему, поскольку сам постоянно размышляю о нашей Империи и нашем обществе. А сейчас давай немного поупражняемся на саблях — хоть так развеешься и перестанешь думать об убитом тобой грязуше.

Салтыков скинул свою уличную куртку, бросил ее на лавку, снял со штыря, вбитого в одну из арок, два оберега, передал один Кириллу, второй надел себе на шею, снял со стены одну из многих тренировочную саблю, вышел на середину, занял позицию в центре зала.

— Уж если не справлюсь с тобой сейчас, никогда не справлюсь, — заявил Салтыков. — И чуть не забыл — не сердись на Ольгу, она знает тебя не так долго, как я. Потеряешь её, охотников набежит.

Кирилл снова кивнул и, стараясь изгнать из головы образ отрубленной руки и части головы грязуша, пошел в атаку. Дмитрий защищался как мог, но спустя несколько минут схватки понял, что очень скоро потерпит поражение. Однако в тот самый момент, когда Кирилл собирался выполнить свою коронку, занеся клинок вверх и в сторону, чтобы через мгновение закружиться, перекинуть оружие из одной руки в другую и, запутав противника, нанести удар с незащищенной стороны, со смотровой площадки донесся чей-то голос:

— Кирилл Иванович, генерал Голицын желает вас видеть.

Оболенский отвел клинок в сторону, посмотрел наверх:

— Передайте Павлу Степановичу, что приду через две минуты, — ответил он. Не смотря на то, что Кирилл выучил Салтыкова и знал каждое его движение, поединок всё равно увлёл и позволил Оболенскому освободиться от навязчивых мыслей.

— Прости, — улыбнулся он. — Генерал отчитывать будет. Я ж чуть людей не угробил.

Обрадовавшись улыбке Оболенского, Салтыков улыбнулся в ответ.

— Отличник учебы и наделал ошибки? Да быть того не может! Обязательно расскажешь.

— Сразу после отчета — бросил Кирилл, направляясь по ступенькам.

— Не получится, мне тоже уходить пора. Ты придешь на бал к Воронцову?

— Собирался.

— Там и расскажешь.

Кирилл кивнул в последний раз и, сменив рубашки, побежал вверх по ступенькам.

...

Генерал устроился в маленькой комнате на третьем этаже, четыре пятых пространства которой занимали шкафы, до отказа забитые бумажками. Сидя за небольшим столом, он отбивал пальцами по столешнице незатейливый мотив военного марша и размышлял, как начать разговор. Постучали, в дверь вошел Кирилл.

— Садись, предложил генерал, указав на стул, приставленный к одному из шкафов — Думаешь, отчитывать тебя стану?

— Я вас подвел, — вздохнул Кирилл. — Сам не знаю, как так вышло, Павел Степанович, просто...

Генерал жестом приказал ему помолчать.

— Ты не из тех, кого нужно отчитывать — за свои ошибки сам себя загрызешь. Начну поучать тебя, только хуже сделаю. Я хотел поговорить с тобой о другом, — генерал вздохнул,

накрыл лицо ладонями, чуть опустил их, потер кончиками пальцев глаза. — Я видел, как людей ломает война. Особенно крестьянских детей. Я ведь начинал службу еще при рекрутском наборе, посмотрелся на крестьян, которые пролив кровь теряли нравственные ориентиры. Боюсь, как бы с тобой такого не приключилось.

— Павел Степанович... — загорелся Кирилл.

— Пстой! Я не закончил, — сурово сказал генерал. — В молодости, Кирилл, я был таким же как ты. Выходец из богатой семьи, талантливый, с золотым будущим. И в определенный момент у меня, как и у тебя, появились сомнения в Государе. Ведь глаза не обманешь. Нищета, падение нравов, пренебрежительное отношение к низшим сословиям, чванливость чародеев, которые, казалось, не считаются вообще ни с какими моральными ограничениями. Этого никак не спрячешь. Мучился я также как и ты, но преодолеть кризис мне помог разговор с генералом Хутиловым, который мне вторым отцом был. Павел, сказал он тогда, вижу, республиканские мечты кружат голову и тебе. Пойми, Павел, гладко только на бумаге, а на деле революция — это уничтожение лучших людей, цвета нации, элиты, тех, на ком держится государственность, строится вся политика. Что произойдет с армией, если убрать генерала? Как поведет себя паства без пастыря? Ведь и солдатам иногда кажется, что генерал не тот и будь они на его месте, стало бы во сто крат лучше. И пастве иногда чудится, что пастырь ошибается, говорит неправильно. А убери их и что начнется? Грызня начнется, склока, великая бойня. Поэтому, Павел, думай и будь осторожен со своими желаниями. Республика будет строиться на крови, элита республики, которая действительно заботится о народе, как генерал о солдатах, а пастырь о пастве, будет изгнана, их место займет чернь, дорвавшаяся до власти и преследующая лишь свои сиюминутные интересы. Поэтому, Павел, оставь свои мечты, они опасны, разрушительны и влекут только беды, но никак не освобождение. Когда появится такая возможность, власть изыщет средства и облегчит страдания отвергнутых, но до тех пор ничего не предпринимай. Потому что если чернь дорвется до власти, то отвергнутым окажется весь народ.

Генерал замолчал, посмотрел на Оболенского. Видимо, ждал от него какой-то реакции. Однако, Кирилл ничего не сказал.

— Подумай об этом, — снова заговорил Голицын, несколько раздосадованный отсутствием реакции молодого гвардейца. — И обязательно съезди на бал к Воронцову. Я не хочу, чтобы ты сломался, Кирилл. Ты мне нравишься, дорог моей дочери, у тебя прекрасные способности. Обидно, если из-за мимолетных сомнений всё потеряешь.

— Я не сломаюсь, Павел Степанович, не волнуйтесь.

— Надеюсь на это.

— Могу идти?

Генерал кивнул.

— До свидания, — Кирилл быстро вышел из кабинета, не на шутку разозлившись от услышанных слов.

«Солдаты без генерала, паства без пастыря, — думал он. — Говорил бы прямо, Павел Степанович — овцы без пастуха!»

...

Поместье Воронцова представляло собой роскошное здание, выполненное в строгом классическом стиле: по периметру стояли величественные колонны, мраморные ступеньки вели к широкому входу, где перед посетителями открывались внушительные двустворные двери, изготовленные из легендарного черного дерева, применявшегося в самых сильных

заклинаниях чародеями. Всюду кружились слуги, раболепно подбегая к приехавшим гостям и предлагая свои услуги. В саду, раскинувшемся на десять акров, помимо разнообразных редких для Беловодской Империи видов деревьев, были установлены клетки, в которых посадили обращенцев. Чтобы потешить аристократов, представители этой расы начинали изменяться у них на глазах, приобретая облик волков, медведей и лисиц. Дамы театрально охали, падали в объятия своих кавалеров, те принимались их утешать, отпускали пренебрежительные комментарии в адрес обращенцев. Но зверолюди и не думали обижаться — поговаривают, Воронцов платил им золотом.

Председатель Академии чародеев Адимант приехал на самоходном экипаже, вызвав среди собравшихся всеобщие оживление и интерес. Появившись в своем новом пурпурном плаще, сделанном на заказ в Блантийской Империи, невероятно дорогим костюме и туфлях, привезенных из-за океана, он произвёл фурор. Гости столпились вокруг и стали расспрашивать чародея, а он с оживлением и веселостью, несвойственной людям его возраста, рассказывал анекдоты из жизни великих людей древности и современности.

Как раз в этот момент в экипаже приехали Кирилл Оболенский с Ольгой Голицыной. Те, кто заметил их прибытие, посмотрели осуждающе — поскольку связь молодых людей не была узаконена, к открытой демонстрации их близости относились предосудительно. Но сегодня Кирилл об этом даже не думал.

— Посмотри, Кирюша, самоходный аппарат! — увидев автомобиль Адиманта, Ольга потащила своего возлюбленного туда. Среди сорочьего стрекота Кирилл разобрал слова чародея.

— Аппарат собирали гордейцы, специально для меня. Любезный председательствующий Агамненон пообещал, что работу выполнят в кратчайшие сроки.

— А во сколько он вам обошелся? — неожиданно для самого себя задал бестактный вопрос Кирилл. Глаза Ольги округлились, она, не веря своим ушам, посмотрела на Кирилла, в толпе кто-то даже ахнул. Колдун, однако, остался невозмутим.

— Вам не по карману, молодой человек, — сухо хохотнул он. — Впрочем, скрывать не стану, аппарат очень дорогой — почти двенадцать тысяч золотых.

Оглашение цены спровоцировало новую волну интереса, вопросы посыпались со всех сторон:

— А во сколько же обходится его содержание?

— Тяжело ли найти водителя?

— Не боитесь врезаться?

— Быстро ли ходит?

«А девочка из трущоб была готова переспать со мной за медяшку», — пронесло в голове у Кирилла.

Ольга ухватила его за локоть, отвела в сторону.

— Да что с тобой такое? Как ты посмел задать подобный непочтительный вопрос? Да ещё кому — самому господину Адиманту!

— Сам не знаю, — промямлил Кирилл. — Отчего-то нашло.

Заметив отрешенный взгляд возлюбленного, Ольга решила развлечь его танцами, повела в зал, однако, оркестр пока не начал играть. Кирилл окинул взглядом просторное помещение: мраморные колонны и здесь были повсюду, на балконе уже устроились нарядно одетые старики — любили наблюдать за тем, как молодежь вальсирует. Пол был выложен пестрой плиткой, изображал сюжет из классического мифа — юноша выносил

возлюбленную из пылающего храма. Заметив появившихся внутри Ольгу и Кирилла к ним тут же подскочил старый лысоватый слуга.

— Извольте шампань? — спросил он, поднося серебряный поднос, на котором были расставлены непривычные глазу изумрудные бокалы на длинных ножках. Шипучий напиток внутри переливался всеми оттенками зеленого. Ольга поблагодарила слугу, взяла один бокал, отпила. Кирилл последовал ее примеру.

— А откуда шампанское, любезный? — спросил Оболенский слугу.

— Из Газании, — с гордостью сообщил тот. — Привезли сегодня утром по распоряжению графа.

— Смотрю, всё у вас тут заграничное, — с иронией заметил Кирилл. Слуга не понял.

— Граф потребляет только первый сорт, — с гордостью за хозяина сообщил он.

— А сколько тебе платят, голубчик? — продолжил расспросы Кирилл.

— Двадцать золотых в месяц, — охотно сообщил слуга. — Не подумайте, что так много получают все — у меня превосходные рекомендации.

— А сколько получают официанты где-нибудь в трущобах ты знаешь?

— То вульгарные люди, — слуга поморщился, — не знаю, почему вы изволили о них заговорить, но платят им медяками.

Кирилл кивнул, опять погрузился в свои мысли. Когда официант отошёл, Ольга снова набросилась на Оболенского:

— Что происходит Кирилл? Почему ты так себя ведешь?

— Ничего, — отмахнулся тот.

В этот момент к ним подошли старые друзья семьи Голицыных, Ольга приняла участие в светском разговоре, Кирилл же предпочитал буркать в ответ неразборчивые и сердитые фразы, не сводя глаз с колонны, у которой они стояли.

Спустя какое-то время гости вошли в зал, оркестр заиграл, и пары начали вальсировать. Кирилл любил балы, умел хорошо танцевать, но в этот раз двигался неуклюже, дважды умудрился наступить Ольге на ногу. До того не придававшая рассеянности Оболенского большого внимания, девушка всерьез стала беспокоиться за Кирилла.

«Он до сих пор думает о бунте, — заключила Ольга. — Как же ему помочь?»

— Дамы и господа, — на балконе появился хозяин — высокий, худощавый мужчина лет пятидесяти с тонкими изящными усиками на газанский манер. — Позвольте поблагодарить вас всех за то, что вы нашли возможность навестить старика и не побрезговали моим обществом. Я, в свою очередь, хочу сообщить, что сегодня ко мне прибудет особенный и почтеннейший гость — Его Императорское Величество.

Зал разом охнул, со всех сторон донеслись оживленные разговоры.

— Но пока мы дожидаемся императора, позвольте предложить вам пройти в сад и понаблюдать за испытанием обращенца. Хочу предупредить, что подготовленное мною развлечение не для впечатлительных, потому с собой приглашаю только самых хладнокровных.

Ольгу насторожила речь Воронцова, она посмотрела на Кирилла, собравшегося идти в сад.

— Кирюша, не ходи, — попросила она.

— Почему? Я не впечатлительный, Оленька.

— Тогда я пойду с тобой.

Он пожал плечами, мол, поступай как знаешь. Ольга осталась, обиделась. Чтобы не

произошло с Кириллом за прошедшие месяцы, он не имел права так вести себя с ней.

Между тем в саду собралось человек сорок, среди них не так мало дам. Клетку с крупным, крепким мужчиной открыли, вывели его наружу, проводили на поляну, прицепили к ногам кандалы. Кирилл пристально разглядывал обращенца: сейчас он отличался от человека разве что избыточным волосяным покровом — вся грудь и спина мужчины были покрыты мелкими волосками, более подходящими на звериную шерсть, чем на человеческий волос — да глазами с кошачьим зрачком, отсвечивающими зеленым в темноте сада. Лицо озлобленное, взгляд затравленный. Обращенец сжал кулаки, напрягся, от чего мышцы на плечах вздулись буграми.

Тут появился Воронцов.

— Мой конюх мастерски обращается с хлыстом, — начал он, указывая на низенького простоватого вида мужичка, стоявшего в сторонке, одетого в рубаху и сжимавшего в руках кнут. — В Трерийскую войну в армии его ставили наказывать солдат плетьюми, так за пару месяцев он превратил свою часть в образцовую. Верно, Федорович?

— Было дело, — скромно ответил конюх.

— Я сам видел, — продолжил граф Воронцов, — как он двумя ударами кнута умудрился убить лошадь, настолько сильно ее хлестанул. Однако, — граф повысил голос — обращенцы слывят самыми выносливыми существами. Сегодня я решил проверить это. Если наш силач, — он указал на волосатого мужчину, — сумеет перенести десять ударом кнута моего конюха, я его озолочу и отпущу на все четыре стороны. В противном же случае мы сумеем развенчать еще один миф об этих диких созданиях. Начинай! — приказал он конюху.

В глазах мужичка загорелись злобные огоньки, он не спеша расположился справа за спиной у обращенца, отвел хлыст в сторону, ударил. Воронцов не соврал, когда нахваливал конюха — свист кнута напоминал звук летящего снаряда, кожа на спине прикованного лопнула, брызги крови разлетелись во все стороны, лицо исказилось. Однако, обращенец не издал ни звука. Конюх тоже скривился, недовольный результатом своего труд, провел по кнуту свободной рукой, поглядел на кровь, размазавшуюся по его ладони, покрасовался, рассекая кнутом воздух, потом внезапно отвел его в сторону, ударил второй раз, третий. Спину буквально заливало кровью — если бы Кириллу сказали, что кнут может причинить подобные раны, он бы никогда не поверил. Обращенец рухнул на колени, началась трансформация — лицо и руки покрылись серой шерстью, рот деформировался, выдался вперед, ногти вытянулись, стали походить на звериные когти. Он глухо зарычал.

— Хватит или продолжаем? — спросил его Воронцов.

— Продолжаем, — выдавил из себя обращенец.

Очередной удар, ещё один! До того слезившиеся глаза зверчеловека, наполнились кровью, он по-медвежьи заревел, упал на живот.

— Всё? — спросил Воронцов.

— Нет, — выдавил обращенец.

— Тогда вставай на ноги, — потребовал граф, обменялся взглядами с конюхом. Когда обращенец поднялся, мужичок снова принялся красоваться, щелкая кнутом в воздухе. Кирилл видел, как лицо обращенца искажалось страхом всякий раз, когда он слышал зловещий свист ремня.

— Государь! — Воронцов увидел императора с двумя мужчинами, приближавшемуся к толпившимся на поляне людям, расплылся в подобострастной улыбке. — Проходите скорее, вас ждет незабываемое зрелище. Ну-ка, Федорович, постарайся как следует для

нашего гостя.

— Что здесь происходит, — спросил император, с любопытством глядя на обращенца и не замечая конюха с кнутом. В этот самый момент последовали еще два удара. По силе они превосходили все предшествующие, хотя могло показаться, что это невозможно. Обращенец не издал ни звука, но за мгновение до того, как рухнуть, лицо его потеряло осмысленное выражение, глаза погасли.

«Да его же убили!» — ужаснулся Кирилл.

Похоже, не его одного шокировало случившееся. Увидев падение обращенца, император побледнел.

— Что вы здесь устроили! Да как вы посмели! — вышел из себя царь. Воронцов перепугался, не ожидая такой реакции.

— Не волнуйтесь, с ним всё в порядке, — неуверенно пролепетал граф. Федорович, голубчик, окати его водой.

Конюх с сожалением отбросил кнут в сторону, взял заранее приготовленное ведро и облил спину лежавшего на земле обращенца водой. Мужчина вздрогнул, пошевелился.

— Продолжаем, — выдавил он из себя, едва ворочая языком. — Я сейчас встану.

— Немедленно прекратить! — сквозь зубы процедил император. — С вами граф, мне хотелось бы поговорить наедине!

Ошарашенный Воронцов перепугался, понутив голову направился к императору. Люди стали расходиться, Кирилл оставался на месте. Кандалы с ног продолжавшего лежать обращенца сняли, его самого отволокли обратно к клетке, бросили внутрь прямо на спину, заставив того по-собачьи заскулить. Догадались, перевернули на живот, закрыли дверку и ушли. Взгляд Кирилла упал на поляну, залитую кровью. Оболенский вспомнил грязуша, которого зарубил. К горлу подступил «шампань», Кирилл наклонился, его вырвало. Хорошо, что никого рядом не было.

«Мы и есть чернь, дорвавшаяся до власти!» — с ужасом понял Оболенский.

Когда стемнело Салтыков с подручными остановились у опушки кедрового леса, отвели коней в сторону от дороги. Гришка неуверенно шел следом, с интересом глядя по сторонам. Он никогда прежде не видел кедра, исполинские деревья произвели на него впечатление. Пока он глазел, его новые союзники стали устраивать место для ночлега.

— Ты чего застрял, Гришака, помогай иди, — потребовал один из подручных Салтыкова.

Нарармеец подчинился, сняв скудный скарб с лошадей, начал собирать хворост.

Рослый народоборец попросил Салтыкова помочь ему, а на деле хотел поговорить с ним.

— Сергей Дмитриевич, все сложилось не так, как вы хотели. Что делать будем?

— С чего вы взяли, Павел Евгеньевич?

— Как с чего — вы понадеялись, что Эразм управится с Оболенским, а от волшебника ни весточки. Значит, его нет в живых.

— Я был уверен, что Кирилл его убьет, — запросто ответил Салтыков.

— Тогда почему мы не остались там и не оказали поддержку?

— Во-первых, Эразм стал неуправляем, наладив контакт с крестьянами, он возомнил себя местным князьком и стал позволять себе лишнего, подрывая доверие середняков и бедняков к нашему движению, так что его смерть нам на руку. Во-вторых, нам нет никакой нужды убивать Кирилла.

— Как это нет нужды?! — народоборец сверкнул глазами. — Да он же может сорвать все наши планы! Я понимаю, он был вашим близким другом, но подобное поведение — это... это измена!

Он ожидал, что Салтыков взорвется, может быть, даже в драку бросится, но ничего из этого не произошло.

— И как он сорвет наши планы, будьте любезны, поведайте мне?

— Вернется назад и по телеграфу доложит о том, что нашел подполье.

— Какое подполье? Он перебил кучку народоборцев в подвалах. Нарармия готовит решающее наступление на наши позиции на западе и не станет перебрасывать для борьбы с мелкими бандами крупные соединения. Даже если допустить, что Кирилл не погонится за нами, уверяя вас, для борьбы с бандитами ему выделят не больше полка, что скорее пойдет нам на пользу. Хотя, строго говоря, в этом случае наши планы действительно окажутся сорваны.

— Ну, вот видите! — с упреком бросил Павел Евгеньевич.

— Вижу, что вы не знаете Кирилла, — улыбнулся Салтыков. — На деле, все сложилось даже лучше, чем я хотел. Не мог себе представить, что народники отправят к нам на восток, такого авторитетного комиссара, как Оболенский. Информации, которую Гришка передаст якобы от имени комиссара, сразу поверят. Председатель Латунин оценил Кирилла по достоинству и уверен в его лояльности народникам.

— Слова этого мальчишки, — народоборец кивнул головой в сторону бродившего между деревьев Гришки, — вообще ничего не будут стоить, если Оболенский направится в столицу. Народники не дураки и быстро смекнут, чего мы хотим.

— Как выдумаете, зачем я оставил Захара в живых? — спокойно спросил Салтыков.

— Потому что пожалели его! Вы вообще слишком милосердны к швали, с которой были когда-то знакомы.

— Осторожно, Павел Евгеньевич, — Салтыков холодно посмотрел на взбеленившегося собеседника. — Я многое могу стерпеть, но вы переходите черту.

— Простите, — одернул себя народоборец, — но пока я не вижу смысла в ваших действиях.

— Это потому что не хотите выслушать до конца. Я не из жалости или иных сентиментальных соображений сохранил жизнь Захару, а для того, чтобы он рассказал обо мне Кириллу. Когда комиссар узнает о моем присутствии, он погонится за нами. Я вам это гарантирую.

— Почему вы так уверены?

— Потому что знаю, Кирилла лучше, чем кто бы то ни было. В отличие от меня, он подвластен влиянию эмоций, в том числе сентиментальным. Будучи уверен, что у нас здесь банда, он поедет сюда в надежде переманить меня на сторону народников, уверенный, что так спасет мою жизнь.

— А что со вторым, Захаром? Они погонятся за нами вместе.

— Нет, Захара он отошлет назад, в Талое, отправить телеграмму в центр.

— Так это же катастрофа!

— Какой же вы нервный, право слово. Это не только не катастрофа, это нам на руку. Что сообщит Захар? Правильно — обнаружили бандитское подполье, нужна помощь, Захар, тчк. Гришка же свою легенду разбавит правдой о том, что они с Кириллом разделились, уверенные, что имеют дело с подпольем, а после, обнаружив умирающего Оболенского, выяснили, что готовится грандиозная провокация — народоборцы попытаются создать на востоке видимость грандиозного наступления, в надежде отвлечь основные силы нарармии, тогда как удар последует с юга. И тогда реакция на наше развертывание здесь поначалу будет неадекватной угрозой, при удачном стечении обстоятельств опомнятся они только после захвата областного центра, только будет поздно.

— Положим, — вздохнул Павел Евгеньевич, явно чем-то недовольный. — Я не буду упрекать вас в том, что весь план построен на предположениях и догадках относительно непредсказуемого поведения других людей. Я упрекну вас в грубой ошибке, допущенной даже при, как вы выразились, удачном стечении обстоятельств. Что помешает Захару в телеграмме добавить коротенькое сообщение — Гриша предал тчк? Теперь понимаете, насколько безответственными оказались ваши действия, понимает, что нужно срочно поворачивать и ловить Оболенского?

— Понимаю, что вы очень низкого мнения обо мне, Павел Евгеньевич. Если в телеграмме будет содержаться информация, которая нас не устраивает, она никуда не пойдет. Когда мы отъезжали от Оболенского, я приказал Федору и Семену ехать в Талое, объяснил, что от них требуется. На телеграфе они переговоят с нужными людьми, убедят их нам помочь — знаете ведь, на востоке нас поддерживают, местами горячо. Ну а Захара они в любом случае уберут.

— Вот как, — Павел Евгеньевич призадумался. — Выходит, — усмехнулся он, — зря я вам не доверял. Правду говорят про гвардейцев — цвет наших воинов.

— И голова, что немаловажно, — улыбнулся в ответ Салтыков. — Но давайте заканчивать нашу беседу, остальные на нас уже с недоверием поглядывают. Нужно подготовить Гришку — желательно, чтобы он уехал отсюда до прибытия Кирилла.

...

Кирилл не стал останавливаться ночью, только перед самым расчетом, позволил лошади немного отдохнуть и сам вздремнул. Он знал, что в нынешнем состоянии не справится с Салтыковым, но вес равно гнался за ним. Зачем? Не лучше ли было последовать совету Захара, вернуться в Талое, отправить телеграмму в столицу, дожидаться подкрепления и провести основательную зачистку.

«Они бы убили Салтыкова», — напомнил себе Кирилл. Комиссар не мог позволить этому случиться. Потому гнался, в тщетной надежде убедить друга уехать за границу и забыть о войне.

«Они проиграли, и никак не уймутся! — со злостью подумал Оболенский. — Развязали войну, которую выиграть не в состоянии, а теперь намеренно затягивают ее — видимо мало крови единокровцев пролилось!»

Он устал, страшно устал от всего этого. Хотелось поскорее приступить к мирному строительству, которое обещали развернуть народники, Увидеть, как бывшая империя расцветает под властью мирного и честного народа, стремящегося к миру во всем мире и счастьем для всех и каждого. Стать свидетелем того, как невероятные успехи некогда отсталого государства убеждают остальные народы в правоте идей Латунина и его партии, как границы между государствами рушатся, люди, грязуши, малмаки и обращенцы забывают о прежних разногласиях и начинают строить новое справедливое общество. Кирилл был уверен — эти мечты воплотятся в реальность, может ни при его жизни, ни при жизни следующего поколения, но непременно воплотятся. И те, будущие люди вспомнят о сегодняшних битвах, жертвах, которые принесли беловодцы и народники, скажут спасибо. Одно это выражение благодарности из будущего, стоит всех тех страданий, которые перенесли и будут переносить жители настоящего. Успокоенный этими мыслями, убежденный в собственной правоте, в чистоте собственных помыслов, Кирилл провалился в глубокий сон, но проспал не больше часа. Бившие в глаза лучи солнца напомнили о дне сегодняшнем. Будущее еще не наступило, за него предстояло драться каждый день и каждую секунду, Кирилл нужен был в строю, а не спящим на опушке леса.

Оседлав коня, но продолжил погоню. Примрено к полудню добрался до спуска к реке, заметил внизу вытопанную траву, следы копыт в илистой почве. Спустился, соскочил с коня, огляделся, достал пистолет, стал аккуратно пробираться вдоль речки. До него доносились тихое пение птиц, нежный шепот воды, баюкающий шелест кустарников, веселая трескотня насекомых. Людей поблизости не было, либо они прятались очень хорошо. Кирилл несколько расслабился, двинулся вперед увереннее, примерно через двадцать метров добрался до тропинки, ведущей в лес, прошел по ней еще метров сто и обнаружил поляну, на которой дымилось свежее кострище. Салтыков был здесь совсем недавно! Изучая следы ног, Кирилл попытался выяснить, сколькими подручными располагал Митя. Не меньше семи человек. Если завяжется драка, Кирилла без берега пристрелят в мгновение ока. Значит, допустить побоища нельзя.

«Я и не собирался с ними драться, хотел поговорить», — напомнил себе Кирилл, после чего спрятал пистолет, продолжил разбирать хитрую азбуку следов, надеясь угадать, куда направились народоборцы. Следов копыт не было, люди бродили по лесу, но глубоко не заходили — очевидно, собирали хворост для костра. Выходит, после ночевки они покинули поляну, вернулись на дорогу, перешли через мост и поскакали дальше на восток. Вероятно, где-то там у них еще одно место стоянки рядом с деревней сочувствующих им крестьян.

Кирилл поспешил назад, к своей лошади. Как только он выбрался из лесу, заметил группу людей на мосту и стоявшего в стороне Салтыкова, поглаживающего лошадь комиссара. Руки рефлексивно потянулись к оружию, хотя совсем недавно Кирилл размышлял над тем, как предотвратить столкновение, которое наверняка закончится для него гибелью.

— Не стоит, — крикнул ему Салтыков. — Ты лучше меня, но не настолько, чтобы справиться без оберега.

Кирилл пожал плечами, опустил руки, стал пробираться вдоль реки навстречу своему бывшему однокашнику. Когда их разделяло меньше десяти шагов, Оболенский остановился, устало посмотрел на Митю.

— Что делать будем? — спросил он.

Салтыков улыбнулся.

— Радоваться встрече. Мы когда в последний раз так вот лицом к лицу столкнулись? Во время Гарского сражения, верно?

— Твоя правда.

— Ну вот. Старые друзья, а столько по душам говорили.

— Зачем ты забрал Гришку?

— Я его не забирал, он сам со мной пошел. Это разные вещи.

— Только суть не меняется. Не юли, Митя. Зачем он тебе нужен?

— Все-таки о делах говорить хочешь, — Салтыков вздохнул, глянул на своих подручных. — Ждите здесь, мне с комиссаром прогуляться нужно.

Они ничего не ответили, но с подозрением посмотрели на своего командира.

— Пошли, Киря, пройдемся вдоль реки. Помнишь ведь, недалеко от штаба гвардии такая же речушка была, ты любил гулять там с Ольгой. Вечерами пропадал. Вы как-то сразу с ней сошлись, так естественно смотрелись вместе, что никто не сомневался — рано или поздно поженитесь. А оно вон как вышло, — он приблизился к Кириллу, жестом пригласил следовать за собой. Оболенский остался на месте.

— Мы никуда не пойдём, Митя. Зачем тебе нужен был Гришка? Что вы здесь затеваете? Устроили народоборческое подполье? И на что рассчитываете? Понимаешь, что если я приведу сюда регулярные части, вас в порошок сотрут? Зачем тебе это? И дальше хочешь губить людей ради тех, кому плевать на страну и народ?

Салтыков скривился.

— Всегда ты так, — вздохнул он. — Рубишь с плеча, не думая, что человека-то обидеть можешь.

— Не время выражения подбирать. Так ты расскажешь мне, что затеял, или будешь и дальше свои витиеватые речи плести?

— Расскажу, только сначала тебе придется снять пистолет и меч и передать их мне.

— Нет, — твердо сказал Кирилл.

— Плохо, придется драться.

— Готов убить меня?

Салтыков серьезно посмотрел на Кирилла.

— Тогда, во время нашего наступления при Гарске, ты мне преподал очень важный урок, который я никогда не забуду: дружба — она на всю жизнь и вне зависимости от того, по какую сторону баррикад ты окажешься, за друга нужно будет стоять в любой ситуации. Я никогда тебя не убью, и не позволю кому-либо это сделать. Но покалечить могу, хоть и не хочу, — жестко закончил он.

Кирилл внимательно смотрел на своего лучшего друга, вздохнул, после чего снял и достал пистолет и меч, бросил их в ноги Салтыкова.

— Забирай.

— Спасибо, что не вынудил привести мою угрозу в жизнь, — Салтыков поднял оружие, жестом подозвал одного из народоборцев, когда тот подошел, приказал забрать меч и пистолет.

— Ты обещал рассказать о Грише.

— Обещал — расскажу. Здесь, на востоке, с недоверием и даже ненавистью относились к народовольцам. Сам знаешь, крестьяне богатые, делиться землей им ни к чему, а драться на стороне тех, кто их непосильными налогами будет облагать, они не станут. Они охотно помогали нашим солдатам во время Большого отступления, давали понять, что окажут любую поддержку, если вдруг мы решим развернуть партизанскую борьбу, вплоть до вступления в ряды народоборческих армий. При поддержке нихонцев мы сумели организовать и вооружить наши разбитые части, договорились с блантийцами о поставках оружия и необходимости развернуть диверсионную операцию на юге страны. На востоке у вас нет надежных людей, организации народоборцев немногочисленны, а потому даже если будет развернуто крупное наступление, в центре об этом не узнают. Наши эмиссары, одного из которых ты, похоже, убил, установили контракт с антинародническими элементами в селах, сумели убедить их тайно начать подготовку молодежи для борьбы с вами. Уговорено: взятие губернского города послужит сигналом для взрыва народоборческого подполья на востоке. Немногочисленные отряды, которые пошлют сюда ваши, будут уничтожены, а мы развернем полномасштабное наступление, пододвинувшись вплотную к столице еще до того, как вы успеете перебросить сколь-нибудь значимые силы. А дальше будет нужна победа в одном сражении, которую мы непременно одержим. Остается придумать, как выиграть время. И тут на востоке появляется комиссар, очевидно для инспекции и установления контактов с местным Народным Собранием. Такую возможность глупо упускать. Если удастся уговорить хотя бы одного из его подручных, то столице можно поведать истории о случайно вскрытом заговоре народоборцев: эти подлецы готовят мелкую провокацию на востоке для отвлечения главных сил, в надежде поднять весь юг параллельно начав масштабное наступление силами коалиции на западе. Народники в правительстве охотно поверят преданным солдатам, прошедшим через пекло гражданской войны и сделавшимся абсолютно преданными идеалам революции. Поэтому на наступление среагируют соответствующим образом, распределив силы так, как нужно нам: мелкую провокацию блантийцев будут подавлять армиями, а против угрозы с востока выставят в лучшем случае полк. Ну и остатки наших сил на западе с удовольствием поддержат нашу иллюзию, усилив нажим на твоих товарищей. Войне будет положен быстрый и кровавый конец! И все благодаря Григорию, который уже на пути в столицу.

Кирилл хохотнул.

— Рассчитываешь, что Гришка обманет Латунина? Ни на того напал.

— Он не обманет — он передаст записку, написанную твоей рукой, спасибо чародею. Ведь товарищ Литвин прекрасно знаком с почерком своего лучшего комиссара, не так ли?

Кирилл переменялся в лице, но ничего не сказал.

— Что молчишь? Думал, мы тут в бирюльки играем? — зло спросил Салтыков. — Уж не знаю, почему ты предал нас, но тогда, во время первого столкновения я звал тебя на нашу сторону, предупреждал — вы проиграете войну, вас больше, но мы умелей. Ваши армия —

армия бывших каторжников, нищих и крестьян, а наша — цвет и совесть нации, лучшие военные умы Беловодья. Мы превосходим вас во всем, а потому даже если удастся народникам одержать кратковременный успех, на какой-то миг переломить ход войны в свою пользу, мы и тогда найдем выход, нанесем вам поражение, от которого вы уже никогда не оправимся. А твой Латунин будет болтаться в петле на центральной площади! Обещал я тебе это, Кирилл?! Так смотри, как сбываются мои слова! — распалившийся Сергей взял себя в руки. — Ты, конечно, понимаешь, что являешься пленником, поэтому не усложняй, позволь моим людям связать тебе руки.

— Удар в спину — это все, что выдумали твои лучшие военные умы Беловодья? — спросил мрачный Оболенский. — Отвечу тебе так же, как во время нашей первой встречи по разные стороны баррикад: вы воюете не с Латуниным, не с народниками, не с каторжниками и нищими, вы воюете с собственным народом! Это не Латунин заставил бедных крестьян взяться за оружие, это не я принудил только ушедших с фронта дезертиров смело идти в бой против бывших угнетателей, это не народники разгромили вас, не народники остановили под Гарском. Нет, это были те самые люди, обращенцы, грязуши, загнанные вами в невыносимые условия, не получающие ни полноценного образования, ни полноценного питания, вынужденные жить в невыносимых условиях, чтобы прокормить армию подлецов, грабителей и бездельников, возомнивших себя цветом и совестью, а на деле просто родившимися в удачной семье. По этой самой причине, какую бы хитрость не выдумали твои лучшие умы, какое бы тяжелое поражение вы не нанесли нам, мы все равно оправимся, вместо одной отрубленной головы отрастим две и, набравшись сил и опыта, ответим. И неважно, будет жить Латунин, я или любой другой из народников, потому что не мы питаем революцию. Нет, ее питает весь народ в своем благородном, чистом, пускай и безрассудном порыве. А все, что делаете вы — затягиваете кровопролитие в войне, которую выиграть не в состоянии. Поэтому дам и тебе обещание — потомки никогда вам этого не простят.

— Потомкам до нас не будет никакого дела, Кирилл. Мы деремся здесь и сейчас и не ради будущих поколений, а из-за наших собственных обид, амбиций и желаний.

— Именно — вы деретесь не ради лучшей жизни, вами движет лишь ненависть и злоба. Мы — другое дело, деремся за то, чтобы войн больше никогда не было, чтобы армии ушли в прошлое и люди рука об руку стали строить новый мир и для себя, и для будущих поколений. Вот поэтому-то мы и победим, неважно в этой ли войне, в будущей ли, но все равно обязательно победим. А потомков ты сильно недооцениваешь. Впрочем, это общее качество народоборцев — презирать все, чего вы не понимаете.

— Я как раз трезво смотрю на вещи, Кирилл, — неожиданно смягчился Салтыков. — Но меня радует, что ты не изменился — даже пролив море крови, поубивав сотни человек, ты продолжаешь оставаться наивным идеалистом, продолжаешь верить, что тот ужас, который мы наблюдаем вокруг себя — суть драка между хорошими и плохими, теми, кто за народ и теми, кто против. Это и называется фанатизмом, этот фанатизм вас и погубит. Тебя я надеюсь спасти, но вот остальные умрут, проливая кровь за циников, которые используют в своих далеко не чистых целях ваш по-настоящему чистый порыв. Ну, хватит об этом, нужно ехать.

Жестом Салтыков подозвал подручных, приказал связать Оболенскому руки, помог Кириллу сесть в седло, они двинулись на восток, к побережью Великого океана. Ехали молча, лишь ближе к вечеру, когда стали выбирать место для ночлега, разговорились. На

Кирилл не обращали никакого внимания, а он весь истерзался внутри: думал о неучтенном, позабытом Салтыковым и между тем необходимым элементе головоломки, который в состоянии разрушить все планы народоборцев — Захаре.

...

Лошадь мчалась по узкой извилистой тропинке так быстро, как только это было возможно. Захар понимал, что Кирилл в одиночку не справится, хотел как можно скорее броситься на выручку своему товарищу, но и приказа комиссара послушаться не мог. Сообщение нужно было отправить в столицу и как можно скорее. Маловероятно, что Салтыков позволит убить своего близкого друга, особенно после Гарского сражения — если уж Захара не тронули, то Кирилл и подавно оставят в живых. Но в плен возьмут, а там черт его знает, как карта ляжет. Оболенский с Захаром много народоборцев перебили, если кто Кирилл узнает, может и без приказа горло ему посреди ночи перерезать, ничем не рискуя — товарищи не выдадут, а Салтыков защитит не сможет, не смотря на все свои навыки и влияние.

Захар прекрасно понимал, почему комиссар погнался за своим старым однокашником — не из-за Гришки, к которому, признаться по правде, они оба были безразличны, а из-за Сергея. Как тогда, при Гарске, Кирилл позволил ему уйти, потому что не желал смерти, так и теперь попытается его спасти. Когда придут представители чрезвычайки, они не станут разбираться, друзья тут или враги, начнут стрелять всех неблагонадежных. С представителями подполья и подавно церемониться не станут: как только выловят Салтыкова — убьют. Кирилл всё это прекрасно понимал, поэтому в самоубийственном порыве и бросился спасать друга, чтобы снова попытаться убедить перейти на сторону народников либо бежать за границу. Захару это не нравилось, но преданность Кирилл своему товарищу не могла не восхищать пережившего так много предательств солдата.

Захар собирался продолжить путь и ночью, но когда стемнело понял, что ничего у него не выйдет: вокруг не видно не зги, лошадь вымоталась, сам Захар с трудом держался в седле, глаза смыкались. Продолжать поездку в таком состоянии безумие — он свалится в какую-нибудь придорожную канаву и сломает себе шею. Торопиться нужно не спеша. Поэтому остановившись у ближайшей лужайки, Захар расседлал лошадь, позволил ей попасться, сам достал длинную веревку и стал обматывать ее вокруг двух расположенных поблизости деревьев. Эту хитрость как-то рассказал ему отец, когда они вместе с ним шли на дело. Якобы конокрад никогда не уведет лошадь, не разбудив хозяина, если один конец веревки примотать к ноге, вторым стреножить лошадь, а середину намертво закрепить, обмотав один и другой края вокруг деревьев и повесив туда колокольчик. Как только конокрад попытается освободить лошадь, колокольчик начнет звенеть и разбудит хозяина.

— А нас так могут поймать, отец? — спросил тогда обеспокоенный Захар.

— Куда там, — лукаво усмехнулся отец, взъерошив волосы на своей густой бороде. — Нас сам черт не поймают, сынок. Мы совсем из другого теста.

Вспомнив это, Захар улыбнулся. Да, их отец был страшно вороватым и, надо признать, Захар одно время гордился мастерством, которое перенял от родителя. В селе все ели хлеб, приготовленный из какой-то мерзкой смеси зерна и опилок, а у них в доме всегда водилась наваристая похлебка на мясе, маслянистая каша, даже сахар и сладости. Все знали, что отец конокрад, но поделаться никто ничего не мог: сколько завистники не натравливали на них местных генералов, поймать на горячем не получалось. Отец только разводил руками, низко кланялся и, всегда со своей лукавой ухмылкой, приговаривал: «Ваш благородье, три дня

ничего не евши, откель здесь конокрадство?»

Чиновники и генералы выходили из себя, иной раз руки распускали, но неизменно уходили ни с чем. Так продолжалось, пока не началась первая революция. У них в семье политикой никто не интересовался, потому событию никто значения не признал, думали, никого это не коснется. Но потом началась реакция, назначив нового премьер-министра, царь открыл ему карт-бланш на любые действия. Вылилось это в жесткую борьбу с революционным движением, поиски провокаторов и террористов там, где их никогда не было и быть не могло. По деревням начали ездить карательные отряды и на военно-полевых судах приговаривать к казням всех, кого ни попадя.

Как на зло, близ села, в котором жил Захар, какие-то оголодавшие озлобленные крестьяне сожгли усадьбу местного помещика. Примчался отряд во главе с генералом Голицыным, туда-сюда, выдавайте подлецов, учинивших поджог, поднимавших народ на крамолу или начнем по избам ездить да нагайками пороть всех подряд. Тех, кто сжег, так и не выдали, а вот чей-то завистливый язычок нашептал на отца Захара. Выволокли его из избы, давай расспрашивать что да как. Тятя думал и в этот раз отвертеться, как прежде голову опустил, под нос себе бормочет да на жизнь жалуется. А Голицын, присутствовавший там, как взъерепенится. «Говори, зачем поместье сжег!» — как заорет. Отец отнекивался, да вот только не помогло — в тот же день его и повесили в стороне от села, да уехали куда-то еще, дальше вершить свое революционное правосудие.

Вспоминая о тех днях, Захар ни на мгновение не сомневался, что настоящую массовую ненависть в народе царь вызвал именно тогда, заставив людей прислушиваться к разговорам народников, слова которых прежде считались клеветой. По крайней мере сам Захар стал непримиримым борцом против действующего режима в тот день, когда его отца казнили.

Закончив приготовления ко сну, наярмеец стреножил лошадь, свернул шинельку и положил ее себе под голову, укрылся имевшимися мешками, чтобы хоть как-то защититься от комаров, в изобилие имевшихся в лесу. Уснул он быстро, спал крепко, не услышал, как дернулась веревка, и пронзительно запел колокольчик — два волка и лисица шастали вокруг, постоянно переглядываясь друг с другом. Вреда наярмейцу причинять не стали, осмотревшись уши.

Проснулся Захар с первыми лучами солнца, быстро собравшись, помчался дальше и уже во второй половине дня добрался до Талого. Небольшой поселок стоял на пересечении дорог, поэтому на улицах всегда царило оживление, имелись больница, школа, телеграф и даже суд. Впервые Захар побывал здесь еще до войны, когда ехал на юг вести агитационную работу. Но бедствия, обрушившиеся на страну, коснулись и Талого: школу и суд закрыли, больница держалась только на энтузиазме местного ученика чародея да доктора-бессребренника из столицы. Люди все еще появлялись здесь, и их было не мало, но богатых купцов и нарядных дам среди них уже не встретить — все больше нищие и беженцы, спасавшиеся из охваченных огнем гражданской войны регионов.

На Захара недоброжелательно косились — на юге и востоке виновными в развязывании войны считали народовольцев и их приспешников, поэтому наярмейцу нужно было держать ухо востро. Вспоминая текст шифровки, которую они использовали для пересылки сообщений по телеграфу, он поднялся по лестнице и вошел внутрь одноэтажного красивого здания — пожалуй, единственного строения в поселке, находившегося в хорошем состоянии. Стоявший без дела служащий, лениво посмотрел на него.

— Чего изволите? — спросил.

— Нужно отправить телеграмму в столицу.

— Одну секундочку, — служащий быстрым шагом направился за стойку, зашел в подсобное помещение. Через пару минут появился оттуда.

— Текст телеграммы диктуйте, — попросил.

Захар произнес абсолютно бессмысленную фразу, разгадать которую без знания шифра не представлялось возможным.

— С вас семьдесят пять копеек, — безразлично произнес служащий.

Захар расплатился, телеграфист погрузился в работу.

— Можете идти, — сказал он наярмейцу, — телеграмму я непременно отправлю как только починят аппарат.

— Спасибо, — поблагодарил несколько растерявшийся наярмеец, вышел.

Убедившись, что Захар ушел, служащий окликнул человека, прятавшегося в подсобном помещении.

— Вон текст, отправлять? — спросил он.

Народоборец прочитал, как и ожидалось, смысла не уловил.

— Нет, это шифровка. Черт знает, что он своим сообщил.

— С ним как поступите?

— На выезде из города кончим. Тебе, Семен Степаныч, огромное спасибо.

— Не благодари. После того, как эти свиньи моих сыновей перебили, мне никакая благодарность не нужна, лишь бы скота побольше выкосило, — зло произнес служащий.

— Нужна, не нужна, а деньги я тебе оставлю. Бывай.

Тем временем Захар направлялся к конюшне — нужно было как следует накормить и напоить лошадь — он намеревался завтра уже нагнать Кирилла и Салтыкова, если потребуется, выручить комиссара из беды. По дороге столкнулся с мальчишкой-обращенцем — пепельно-серые волосы и желтоватые глаза сорванца пристально наблюдали за Захаром. Нарармейцу стало не по себе.

— Чего тебе надо? — спросил он.

— Убить вас хотят, дяденька, — бросил мальчик.

— Кто? Зачем?

Вместо ответа мальчишка бросился бежать прочь, а Захар потянулся к ремню винтовки. Может пошутил мальчишка? А если говорил правду, почему решил помочь Захару? Разбираться было некогда, Захар твердым шагом направился к конюшне, заплатил конюху, сам отправился в трактир перекусить, не переставая нервно оглядываться по сторонам — мальчишке он все-таки поверил.

Трактир представлял собой затрапезную сельскую забегаловку: небольшое помещение с грязным полом, серыми от плесени стенами и почерневшим от влаги потолком, заставленное дебелыми деревянными столами. Посетители — пьющие самогон торгаши — заметив Захара, вперили взгляды в столешницы, смолкли, но агрессии не проявляли. Нарармеец обошел их, приблизился к занавешенному полотном входу на кухню, постучал по стене. Выглянула напуганная женщина.

— Хозяйка, накормить бы меня, да поскорее, тороплюсь, — сказал Захар.

Женщина тоже отвела взгляд в сторону, принялась что-то тихо бормотать себе под нос.

— Чего ты бормочешь? Громче говори! — рассердился Захар.

— Так нечего есть, — робко выдавила из себя хозяйка. — Вы, господин хороший, езжали бы своей дорогой.

— Это как нечего есть в трактире? И с чего это мне нужно езжать? Я что, хуже других?!

— Да! — хозяйка зло посмотрела на него. — Не нужны нам тут народники. Вы езжайте, господин хороший, езжайте от греха подальше.

Захар криво усмехнулся, оглянулся на посетителей, которые привстали со стульев и наблюдали за развернувшейся сценой. Взгляд нарармейца заставил их отшатнуться и сделать вид, что они продолжают застольничать и не обращают внимания на скандал.

— Смотри, бабонька, как наши подойдут я им расскажу, какой прием мне здесь устроили, — бросил он и направился к выходу.

Его слова произвели должное впечатление — побледневшая хозяйка бросилась следом.

— Господин хороший, вы не сердчайте...

— Не господин, а товарищ нарармеец! — оборвал ее Захар. — Так накормишь ты меня или нет?

— Накормлю, накормлю. Вы садитесь, госпо... товарищ нарармеец, отдыхайте, — сказала и засеменила на кухню.

Устроившись в углу, Захар снял винтовку и, недоверчиво поглядывая по сторонам, стал дожидаться, когда ему принесут обед.

«Еще и отравить чего доброго надумает, — пронеслось в голове у нарармейца. — Надо будет ее заставить попробовать».

Поначалу на полном серьезе собирался заставить бабу отведать собственной стряпни, но когда она принесла ему щи и блины, позабыл о своем намерении — настолько приятно пахла готовка и столь сильно он проголодался. В миг опустошив тарелку, принялся за блины. Разделавшись и с ними, понял, что по-прежнему голоден, но требовать добавки не стал, позвал хозяйку, расплатился, и направился к выходу, с опаской поглядывая на посетителей. Отчего же в Талом такое отношение к народникам? Вроде зажиточных крестьян тут нет, мелкие мастеровые да служащие, по идее классово близкие элементы, а нет же, смотрят на Захара так, будто вражину встретили.

Впрочем, думал об этом он недолго: выбравшись на улицу, запрыгнул на немного отдохнувшую лошадь, поскакал к выезду из поселка. Если его и собирался кто убить, то, очевидно, от своих планов злоумышленник отказался. А может мальчишка врал, хотел, чтобы Захар места себе не находил и поскорее покинул Талое.

— Да какая разница! — отмахнулся от назойливых мыслей нарармеец. С Комиссар

наверняка успел влипнуть в беду, нужно было спешить ему на помощь, а не гадать, что творится в поселке, который Захар, быть может, никогда больше не посетит.

Потеряв бдительность, приближаясь к лесу он не сразу заметил притаившихся за стволами деревьев мужчин, а когда заметил, стало поздно: они направляли свои винтовки в его сторону. Захар едва успел пригнуться к шее лошади, когда пули просвистели прямо над головой, ловко сбросил винтовку с плеча, выстрелил в ответ, попал но вреда не причинил — у нападавших на шеях болтались обереги, потому они даже не пытались укрываться, снова стали стрелять. Ноги лошади подкосились, она завалилась на бок, по инерции перекрутилась несколько раз, таща за собой Захара. Нарармеец кое-как сумел освободить ноги, когда услышал шаги приближающихся народоборцев. Отбросив винтовку, от которой теперь не было никакого толка, он кувыркнулся в сторону росших у обочины деревьев. Народоборцы выстрелили сразу же, но пока находились достаточно далеко, потому промахнулись. Захар спрятался за стволом ивы, оценив обстановку, насколько это было возможно, и прикинув, как безопаснее всего отступить, бросился к вглубь леса, перебегая от ствола к стволу.

Смекнув, что он может уйти, народоборцы остановились у туши убитой лошади, вскинули винтовки, стали вести прицельный огонь. Только Захар попытался выскользнуть из-за ствола дуба и перебежать к стволу дикой яблони, как пуля разрезала воздух прямо перед носом. Краем глаза он заметил, что у кромки леса стоял только один народоборец, второй, очевидно, заходил с другой стороны. Положение становилось близким к безвыходному. Порыв загнанного в угол дикого зверя бежать, куда глядят глаза, Захар не стал подавлять, рванул вперед, в надежде, что ему повезет.

Не последовало даже выстрела, он благополучно достиг спуска в овраг, лег на землю, чтобы осмотреться. Очевидно, вовремя побежал — стоявшему у кромки леса обзор закрывал дуб, второй же не успел обойти и укрытие и занять удобную для стрельбы позицию. Но как Захар убежал увидел.

— Он уходит, Сюда, скорее! — крикнул пытавшийся обойти дуб, погнался за нарармейцем.

Недолго думая, Захар побежал под горку, выругался, обнаружив, что дно оврага голое, без единого деревца, за которым можно было укрыться, а подниматься в горку не рискнул, понимая, что так превратиться в идеальную мишень. Петляя зигзагами, он сломя голову понесся по дну, стараясь воспользоваться неожиданно полученной форой. Выстрелили, пуля взрылила землю на том самом месте, где Захар находился мгновение назад. Еще немного и его подстрелят! Захар стал подниматься на в горку, но не на противоположную народоборцам сторону, а на ту же самую, в надежде, что растущие у края оврага деревья станут препятствием для стрельбы. И в этот раз ему повезло — выстрелов больше не последовало, он торопливо засеменял вдоль края оврага, петляя между деревьями. До сих пор страх придавал ему сил, но вечно так продолжаться не могло — от быстрого бега Захар задыхался, сердце стучало настолько быстро, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Темп сбавлять не стал — народоборцы наверняка сбиты столку и не сумеют быстро разобраться, куда он убежал, благо, исполинские ветвистые деревья и густые кусты здорово мешали погоне, а отсутствие тропинки не позволяло отследить, каким путем решил отступить преследуемый.

Тем не менее, враги не отставали. Захар слышал, как раздавались их голоса за спиной. Похоже, они разделились, старались двигаться параллельно друг другу и, надо отдать должное их навыкам, выбрали правильное направление. На бегу Захар производил слишком

много шума, нужно постараться ускориться в самый последний раз настолько, насколько это вообще возможно в дремучем лесу, после чего найти место, где можно будет укрыться. Сжав кулаки, Захар побежал из последних сил, несколько раз падал, не сумев перескочить через возникавшие у него на пути препятствия в виде густых кустов или упавших деревьев, но неизменно поднимался и продолжал свой забег. Голоса народоборцев стали звучать глуше: они догадались, что он затеял, тоже побежали, но явно не поспевали за Захаром. Нужно подобрать удобное место и спрятаться. Лихорадочно мотая головой из стороны в сторону, Захар стал осматриваться, как вдруг между деревьев мелькнул силуэт волчонка со вздернутыми вверх маленькими ушками.

«Не хватало еще на стаю хищников нарваться», — пронеслось в голове у наرارмейца.

Каково же было его удивление, когда волчонок бесстрашно двинулся ему навстречу, волоча в зубах винтовку Захара!

— Ты обращенец! — догадался он, подбежав к зверьку. Тот положил винтовку на землю, задорно глянул на Захара и мотнул головой в сторону, предлагая следовать за ним.

Оглянувшись и убедившись, что преследователей поблизости нет, наرارмеец побежал за волчонок. Тот торопился, серой молнией проносясь между кустарников и деревьев, Захар едва поспевал, обращенец постоянно оглядывался и тихонько поскуливал, вероятно, поторапливая неуклюжего человека. Вскоре они выбрались к оврагу, спустились на дно и оказались возле неглубокой норы, в которую едва мог влезть человек. Волчонок мотнул головой, предлагая Захару забраться туда.

— Да не полезу я! — воспротивился он.

Однако хруст кустарника и возмущенный возглас одного из преследователей быстро пресек спор. Захар кое-как заполз в нору ногами вперед, придерживая винтовку под рукой, волчонок же присыпал ее землей и приволок откуда-то ветки и траву, максимально замаскировав наرارмейца. Захар притаился, весь превратился в слух.

— Куда он мог деться? — крикнули откуда-то из леса неподалеку.

— Я почему знаю! Оторвался, похоже, — отозвались.

— Мать твою! Только вот слышал, как где-то здесь шелестел. Беги сюда, спрятался он где-то.

Кричать перестали, до Захара доносился только бубнеж, но к его укрытию даже близко не подошли, толклись где-то в лесу, а спустя какое-то время, видимо потеряв надежду отыскать наرارмейца, ушли. Вылезать из норы Захар не торопился. Преследователи ведь тоже могли затаиться и ждать, когда он даст о себе знать. Волчонок наверняка прибежит сюда, когда можно будет выбраться отсюда безбоязненно. Захар оказался прав во всем: спустя целых полчаса в лесу снова раздались шаги и разговоры его преследователей, а еще через какое-то время к норе примчался волчонок, оттащил набросанный ветки, дождался, когда Захар вылезет, с интересом посмотрел на него.

— Ну, спасибо тебе, — искреннее поблагодарил Захар. — Черт его знает, оторвался бы от них или нет без тебя. Но почему ты мне помог?

Волчонок еще некоторое время вглядывался в глаза наرارмейца, потом тихонько рыкнул, мотнул головой, снова предлагая Захару следовать за ним. На этот раз волчонок не слишком торопился, но шли они долго. Захар даже насторожился — волчонок вел его в самую чащу леса. Но немного подумав, но понял, что особого выбора по большому счету нет: выбираться из леса опасно, да и бессмысленно — откуда он возьмет лошадь без посторонней помощи. Маленький обращенец хотя бы введет его в курс дела, а может и лошадь достанет.

Поэтому Захар слепо доверился своему проводнику.

Когда они набрали на широкую поляну, по краям которой свалены деревья, волчонок юркнул в кустарники и пропал. Захар рванулся было за ним, но из-за спины донеслось грозное рычание. Обернувшись, он увидел двух здоровенных волков, злобно смотревших на него своими ядовито зелеными глазами. Как бы между прочим поправив винтовку, Захар приветливо улыбнулся.

— Вы тоже обращенцы? — спросил он. — Ваш мальчонка здорово мне помог, выручил из передряги.

Волки перестали рычать, но все так же злобно смотрели на Захара. Нарармеец счел за лучшее оставаться на месте и ждать дальнейшего развития событий. В голову стали лезть глупые мысли, вспомнились обвинения, которые сыпались в адрес обращенцев в родной деревне Захара. Рассказывали, что они крадут у матерей младенцев и сжирают их во время своих чудовищных ритуалов, посвященных языческим богам, напускают порчу на людей, после чего те сами становятся обращенцами, являются врагами людей и только дожидаются момента, когда можно будет ударить в спину. Как-то Захар поинтересовался у Кирилла Ивановича, есть ли доля правды в этих рассказах.

— Оно ведь знаешь как — просто тоже болтать не будут, — добавил он.

— Просто не будут, а из страха перед непонятным — запросто, — ответил тогда Оболенский. — Большинство обращенцев приняли единую религию, серьезные исследования культурологов показали, что истории о человеческих жертвоприношениях языческим богам являются поздним вымыслом для дискредитации религий, конкурирующих с только-только набиравшей силой единой верой. По сути и то, и другое вымысел. Никакой порчи в природе не существует, а воевать с обращенцами люди воевали и в конечном итоге победили. Воевали жестоко, потому и страх удара в спину перешел и к потомкам тех, кто воевал — обращенцы ведь тоже могут жаждать мести за убитых сородичей. Нет в этих рассказах и доли правды, просто дремучие суеверия Захар.

Надо сказать, Оболенскому он тогда поверил. Но сейчас, стоя лицом к лицу с рассвирепевшими обращенцами-волками, начал сомневаться. Не смотря на лозунги народников и единении всех народов и рас в борьбе с капитализмом и войной, о мирном сосуществовании, в Захаре всегда оставалась крестьянская зашоренность, а потому эти лозунги он воспринимал скорее абстрактно, нежели прочувствовав. Кончики пальцев задрожали, он с трудом сдерживал свой порыв скинуть ружье с плеч и взять волков на прицел, однако сумел остаться неподвижным.

Они стояли друг напротив друга пока на поляне не появился высокий старый обращенец — лицо окаймляла густая серо-седая борода, грива длинных непричесанных волос топорщилась во все стороны, маленькие болотно-зеленые глаза пристально всматривались в нарармейца, длинный острый кончик носа, казалось, жил своей отдельной жизнью, постоянно дергаясь и морщась. Мужчина глянул на волков, те расступились в стороны, не спуская глаз с Захара.

— Здравствуй, добрый человек, — обратился к нарармейцу мужчина.

— И вам не хворать, — с опаской поглядывая на волков, ответил Захар.

— Зачем к нам пожаловал?

— Так не по своей воле, ваш мальчишка меня сюда и привел.

— Я не про нашу поляну, — мужчина развел руки в стороны, окидывая ладонями окрестности. — Я про Талое.

— Этими сведениями поделиться с вами я не могу.

— Отчего так?

Захар ничего не ответил.

— Ясно. Не хочешь, не отвечай. А за каких ты будешь?

— За наших.

— А наши — это кто?

— А вы не знаете? Агитаторы народников точно посещали Талое, да я и сам сюда наведывался. Мы работали и с местными обращениями, разъясняли им политику новой власти в отношении вашей расы.

— Точно-точно, — оживился обращенец. — Теперь-то я вспомнил, где тебя видел. Не зря попросил Гришку тебе помочь. А ты меня не припоминаешь?

— Простите, нет. Помимо Талого я много где побывал, и много кого сагитировал.

— Меня мог бы и запомнить, я был тогда вожаком местных племен, искренне поверил твоим обещаниям. Хоть и говорил ты не так красиво, как другие, но глаза у тебя горели, как горят у людей, которые верят в то, что говорят, которые готовы отдать за свои убеждения жизнь.

— Ну так вы не ошиблись.

— Полагаешь? Вы обещали, что мы сможем жить в мире и согласии с людьми, если признаем власть. Мы и власть признали, и с людьми контакты начали налаживать, все по вашим заветам. Да вот не помогло. В один прекрасный день к нам деревню наведалься конный отряд, начали всех шашками рубить, да из ружей стрелять. Прямо как в старые добрые времена моего детства, когда за малейшую провинность обращенцев к порке кнутом приговаривали, которая означала смертную казнь.

— Ты же знаешь — народники здесь ни при чем! — возмутился Захар. — Это наш общий враг, потому винить меня за несдержанное обещание ты не вправе. Мы как дрались за мир между расами, так и деремся. Не виноваты, что поддержки получаем с гулькин нос что от обращенцев, что от грязущ, что от малмаков! Иногда кажется что за них ваших дерется больше, чем за нас!

— Попрекать меня не надо, мил человек, — оскалился обращенец. — Я тебя не для того велел сюда привести, чтобы оскорбления выслушивать.

— Я и не думал оскорблять, просто когда год назад мы пришли в Талое и обратились к вашим пленам, нам ответил, что воинов больше нет, когда попросили зерна, вы с нами им не поделились, когда...

— Хватит! — оборвал его вожак. — Ты к чему клонишь?

— К тому, что кто не за нас, то против нас! Если вы не снами, то с ними, потому и сами на себя пеняйте.

— Это мы на себя должны пенять за проделки людей! — разъярился вожак. — Слышшите, братцы! Оказывается мы виноваты, что наших женщин и выводок на корню вырезали, оказывается мы виноваты, что кровью залилиты земли, испокон веков принадлежащие нашему народу, оказывается мы виноваты, что народники свое слово не сдержали!

— Народники слово свое сдержали, — спокойно ответил Захар. — Декрет об отмене привелегий для людей вышел из под пера нашего правительства чуть ли не в первый день, после захвата власти, декрет о поддержке рабочего движения обращенцев и грязущ, гарантирующий вашим расам равное и честное отношение был подписан чуть ли не в первый

день. Мы свое слово сдержали. Другое дело, что власть наша на местах продержалась недолго, классово чуждые элементы сумели настроить наивных селян против нас и по сегодняшний день мы вынуждены вести войну, рассчитывая только на свои силы, пока остальные отсиживаются в сторонке и ждут, кто же выйдет победителем, чтобы в последний момент примкнуть к нему и остаться вроде как не замаравшимся и лояльным новой власти. Что могу сказать — тоже позиция. Вот только удивляться не нужно, когда не определившихся начинают резать враги народной власти, а заступиться за них некому.

— Обижаешь ты меня своими словами. Сильно обижаешь, мил человек. Я ведь помогаю вам, как могу. Тебя вот спас, сведения ценные рассказать собирался. Да перед тем только вызнаться хотел, держите ли вы свое слово, а то мы здесь этого как-то не ощущаем.

— Ощутите, как только установится народная власть. Не верите, узнайте, как относятся к обращенцам в столице.

— Так мы слышаны — на фронт, говорят, их отправляют, в первые, говорят, ряды ставят.

— Врут. В первых всегда люди стоят, а вас мы только для разведки используем, в окопах редко-редко встретишь.

— И здесь уколоть хочешь?

— А что остается сделать, когда такой прием другу устраиваете? Попрекать в ответ.

— Ну раз говоришь, что друг, — смягчился вожак, — давай поговорим по-другому.

— Только за.

Обращенец посмотрел на волков, жестом приказал им уходить, те неуверенно побрели в разные стороны, бросив, напоследок, полный угрозы взгляд в сторону Захара. После направился на край поляны, уселся на поваленном на бок тонком деревце, предложил нарармейцу садиться рядом.

— Поверил тебе тогда, поверю и сейчас.

— Правильно сделаешь, — поддержал решение.

— Тут уже не до правильно-неправильно. Под вами нас хоть не резали, а сейчас по лесу рыскают, да всех со свету свести норуют.

— А разве Талое не под нами.

Обращенец усмехнулся.

— Куда там. Я почему про телеграмму спросил. Если что важное написал, считай враги все знают, а сообщение твое, если им повредит, до столицы не дойдет. Здесь все под народоборцами, все за них.

— Как же так? — ужаснулся Захар.

Обращенец недоуменно пожал плечами.

— Я, знаешь ли, не вникал после того, как к нам в деревню ворвались среди ночи отряд народоборцев. С определенностью можно утверждать — весь восток под ними. А когда армию развернут, нам совсем плохо придется.

— Какую еще армию? Все силы народоборцев на западе и юге, мы почти их разбили.

— А ту, которую на побережье выгружают. Каждый день новые пароходы приходят с людьми и оружием. Готовятся к чему-то большому. Вот почему мы так и не решились сопротивляться, а лес убежали — их отрядов тут столько, что нас если не умением, то числом задавят.

Захар призадумался. Он не был силен в тактике и стратегии, но представлял, что произойдет, если достаточно крупные силы народоборцев начнут наступление со стороны

незащищенного востока. Это будет настоящей катастрофой!

— Они, видать, знали, что ты сюда приедешь, — продолжил обращенец. — Детишек-то наших в крупных поселках не трогают, Гришака в Талом у нас заместо глаз. Вот он и рассказал, как эти двое, что тебя прибить пытались, приехали вчера поздно вечером и ошивались на окраине, явно кого-то высматривая. Как ты появился, так они мигом разделились, один засаду на выезде стал готовить, второй в телеграф побежал, сообщение твое разбирать. Благо, тебя уберечь удалось.

— За это вам, большое спасибо, — выдавил ошеломленный свалившейся на него информацией Захар. — Но как же теперь быть-то? Как связаться со столицей. А Кирилл Ваныч... Я ж совсем о нем позабыл.

— Что за Кирилл Ваныч? — насторожился обращенец.

— Начальник мой, комиссар Оболенский, прибыл со мной, меня отправил сюда, а сам в догоднку за народоборцами помчался.

— Тот самый Оболенский, отец местного барина? — изумился обращенец.

— Тот самый, — подтвердил Захар.

— Не думал, что его снова в нашу глушь занесет. А как же он на нашу сторону перешел? Хотя чего спрашиваю — наши об Оболенских всегда хорошо отзывались, и папшка, и особенно сынок всегда жалостливыми были к нашему-то брату.

— Вот что, — после минуты молчания, заговорил обращенец. — Тебя как кличут?

— Захаром.

— Вот что, Захар. Мы тебе поможем. Знаю я, как обе проблемы разрешить. Коня мь тебе сыщем, на нем мчись в столицу, а мы сами соберемся и твоего комиссарика выручим, если жив он, а если прибили, похороним как полагается. Глядишь, в следующий раз упреками сыпать не станешь.

— Нет, так дело не пойдет. Я Кирилла Ивановича не брошу, с вами поеду. — твердо сказал Захар. — Вот как лучше всего поступить...

...

Люди Салтыкова вместе со связанным Кириллом дожидались Сергея возле очередного поселка, который должен был поднять восстание. Было поздно, они надеялись заночевать в этой деревне, впервые за долгое время под крышей, а не под чистым небом.

— Слышь, скачет кто-то — сказал один из них.

Действительно, вдалеке появились силуэты двух всадников, направлявшихся прямо к ним. Народоборцы достали оружие, но когда всадники приблизились, расслабились.

«Их посылали убить Захара!» — догадался Кирилл.

— Где Салтыков? — спросил один из всадников.

— В деревне, договаривается с головой. А вы чего, справились?

Всадник зыркнул на Кирилла.

— Не здесь, — ответил он.

Оболенский улыбнулся.

«Ни черта вы не справились!» — подумал он и усмехнулся. Заметив улыбку на его лице, второй всадник разозлился.

— Весело тебе, сволочь? Ну так похоччи сейчас, — подогнал к нему лошадь и ударил в лицо сапогом. Даже с завязанными руками Кирилл сумел без труда увернуться.

— Слышь, не трогай его. Салтыков не велел, — заступился за Оболенского другой народоборец.

Всадник смерил Кирилла презрительным взглядом, но бить больше не пытался. Вскоре вернулся Сергей, заметив прибывших повеселел, но переговорив с ними, стал мрачным.

— Ну что, Павел Евгеньевич, накаркали, — отведя в сторону народоборца, сказал Салтыков. — Впрочем, плевать. Телеграмму не отправили, времени терять нельзя. Рисковать тоже. Сегодня же с Гришкой отправляйтесь в столицу.

— Да вы что? Меня там каждая собака знает. Расстреляют ведь без разговоров.

— А чем мы, по-вашему, здесь занимаемся, Павел Евгеньевич? — разозлился Салтыков. — Вы когда в войну на нашей стороне вступали не думали, что за правое дело и умереть придется?

— Умереть, а не совершить самоубийство!

— Довезите его хотя бы до столицы. Переоденьтесь, замаскируйтесь как-нибудь. Бороду отрастите или наоборот сбрейте. Уж не знаю, что вы там придумаете. Но времени терять нельзя.

Народоборец опустил голову, вздохнул.

— Хорошо, поедem сейчас же.

— Уверен, у вас все получится. Будете еще армию нашу на подступах к столице приветствовать, — улыбнулся Салтыков.

— Было бы неплохо, — ответил скептически настроенный Павел Евгеньевич.

Они разъехались, Салтыков сообщил бойцам, что нужно возвращаться в лагерь, потому на ночлег отправятся, когда ни зги не будет видно. Отправились в путь. Лошадь Кирилла Салтыков вел рядом с собой.

— Ну что, Сергей, недооценил Захара? — спросил довольный Кирилл.

— Не злорадствуй, — спокойно ответил Салтыков. — Это ничего не меняет — ему все равно ничего не известно. Так или иначе, мы разобьем вас на востоке.

— Бьюсь об заклад, ты и в смерти Захара был уверен. А оно вон как вышло.

Салтыков в ответ промолчал.

Двигались до одиннадцати вечера. Остановились на опушке леса, ни пытаться скрыть свое присутствие, ни разводить костер не стали, завалились спать — длинный день вымотал их до предела. Кирилл хотел воспользоваться благоприятной возможностью и попытаться убежать, но у него самого не осталось сил, он провалился в сон, как только лег на сырую траву. Разбудили его прикосновения к рукам. Что-то шершавое, мокрое скользило по пальцам. Спросонья Кирилл ничего толком не понял, решил, что уже утро, начал подниматься, когда его цапнули за палец. Он едва было не вскрикнул, удивленно захлопал глазами. По-прежнему ночь, вокруг тихо, а у него за спиной кружится какой-то маленький зверек. В следующее мгновение Кирилл понял, что веревка с его запястий упала, распутал руки, развел в стороны, поморщившись от покалывания, случайно задел лежавшего поблизости Салтыкова, тут же перепугался и сжался в комок. К счастью Сергей не проснулся.

Тем временем зверек, которым оказалась довольно крупная лисица, мягко ухватила за рукав Кирилла, потащила в сторону леса.

«Да это же обращенец, — догадался Кирилл. — Они выручат меня пришли».

Оболенский встал и побежал за лисицей, с трудом разбирая дорогу, наступил на что-то мягкое.

— Ауу! — завопил кто-то.

Лисица обернулась, испугано сверкнула своими блестящими позолотой глазами,

побежала сломя голову. Кирилл помчался за ней.

— Уходит, скотина! — завопили у Оболенского за спиной.

— Сюда, Кирилл Ваныч, скорее! — донесся голос Захара.

Он уже бросился на звук голоса, а проснувшиеся народоборцы начали стрелять. Кирилл инстинктивно прыгнул на землю, прижался.

— Отставить огонь! — приказал зажегший лампу Салтыков. — Не стрелять без необходимости!

Это на руку Кириллу. Он снова вскочил, хотел побежать, но отчего-то когда он наступил на левую ногу, она подкосилась. Оболенский непременно грохнулся бы обратно на землю, если бы не подоспевший Захар. Ухватив товарища за плечо, он увлек его в сторону леса. Кирилл догадался, что его все-таки ранили, кое-как скакал, стараясь подстроиться под темп Захара.

— Перебежать на ту сторону, там лошади, — сообщил тяжело дышавший Захар. Они кое-как добрались до нужной тропинки, заковыляли по ней.

— Куда же они делись! — зло бросил Захар, рассчитывая на помощь запропастившихся обращенцев. Тщетно — услышав выстрелы те разбежались.

— Еще чуть-чуть, Кирилл Ваныч, еще чуть-чуть, — приговаривал Захар, когда понял, что их вот-вот нагонят.

— Не успеем, дружище, не успеем, — выдавил Кирилл. — Уходи, нужно сообщить в центр, что народоборцы готовят генеральное наступление на востоке. Без этого мы проиграем войну. Это важнее меня, важнее всего на свете

— Не переживай Кирилл Ваныч, я уж все знаю, уж проблему решил.

— Стой, сука! — на тропинке возник один из народоборцев. — Они здесь, все сюда.

— Прыгай к лошадям, Кирилл Ваныч, скорее! Дальше уж сам, — сказал Захар, отпуская Оболенского и скидывая винтовку с плеча.

Кирилл не стал спорить, неужоже прыгая на одной ноге, кривясь от боли, разливавшейся в лодыжке левой, он честно попытался выполнить наказ Захара, но не смог, рухнул прямо на землю. Захар стал отстреливаться, несколько раз попал в народоборца, но оберег защитил того.

— Ну, все, сука! — зло бросил преследователь, спрятавшись за стволом дерева. Вытащил пистолет, стал стрелять в ответ. Подоспела подмога, Захар понял, что сейчас его убьют.

— Отставить огонь! — приказал Салтыков. Ему не подчинились. Прятавшийся за деревом народоборец выбрался и двинулся прямо на Захара, бросив Сергею:

— Пошел ты... Эта пададь убить меня хотела.

И тут же поплатился за свои слова — Салтыков выхватил меч и со всего маху ударил своего подчиненного, оберег на груди того вспыхнул, сам народоборец отлетел к дереву, уставившись на гвардейца округлившимися глазами. Сергей даже не глянул в его сторону.

— Бросай оружие, Захар, и сдавайся, иначе погубишь и себя, и Кирилла! — потребовал Салтыков.

— Ваша взяла, Сергей Митрич, — сознавая отчаянность своего положения, ответил Захар. Попытка спасти Оболенского провалилась.

— Крутите их, — обратился Салтыков к застывшим в стороне народоборцам. — А ты, — он посмотрел на посмевшегося перечить ему солдата, — если однажды посмеешь не подчиниться, я не ограничусь оберегом, а разобью и твою голову!

После того, как народников связали, спать никто не стал, дождавшись, когда горизонт осветился молочно-бледной полоской, предвещавшей скорый рассвет, отряд отправился в путь.

...

— Товарищ Латунин хотел поговорить непосредственно с вами, — успокоил Григория мужчина в кожанке. — Сообщаемые вами сведения чрезвычайно важны, товарищ.

— Да уж, — протянул Гришка, неуверенно поднимаясь по мраморной, закручивающейся по спирали лестнице дворца, в котором располагалось правительство Беловодской Народной Соборной Республики.

— Просто перескажите ему лично всё в подробностях. Уверяю вас — мы не забудем ваших заслуг перед народом, ведь благодаря вашим усилиям и усилиям покойного Кирилла Ивановича удастся сохранить нашу власть в стране.

— Это да, — слова сотрудника комиссии по особо важным политическим делам не успокаивали Григория, а заставляли сильнее волноваться. Видимо тот это понял и перестал его подбадривать.

— Вот мы и пришли, — сообщил сотрудник, остановившись у высокой роскошной двери, стоявшей здесь со времен императоров. Мужчина в кожанке открыл ее, жестом предложил Григорию проходить внутрь.

В заставленном полками с бумагами помещении товарищ Латунин устроился за широким тяжелым столом у окна, занимавшего всю стену. Занавески были приспущены, потому в кабинете было темно, Григорий различил только контуры лица ставшего легендой при жизни руководителя партии народников: тяжелый волевой лоб, крестьянский бесформенный нос, узкий подбородок, окаймленный густой как будто бы вылитой из мрамора эспаньолкой.

— Здравствуйте товарищ нарармеец, — поприветствовал Григория Латунин, не вставая из-за стола. — Мне сообщили, что вы располагаете архиважными сведениями. Прошу, присаживайтесь, и поведайте мне, что же вам удалось разузнать на востоке, как погиб глубоко уважаемый товарищ Оболенский. Вы, товарищ, — обратился он к мужчине в кожанке, — постойте в сторонке, но далеко не уходите, ваша помощь может понадобиться в любой момент.

— Ну, нас схватили, — неуверенно заикаясь начал Григорий, — у сел Оболенское. Упростите, говорить не обучен, ваше высоко, тьфу ты, товарищ Латунин.

— Ничего-ничего, голубчик. Не торопитесь, я вас внимательно слушаю.

— В общем, окружили и схватили. Но комиссар сумел отбиться, вырвался. Нас с Захаром пленили, вели в какую-то крепость, по дороге Кирилл с ребятами из местного Народного собрания напали, чтобы нас выручить. Во время драки его и Захар смертельно ранили, почти всех убили и он сообщил мне о планах, которые, значит, замышляют враги наши. Вот по этим планам самым получается, что они готовят, как это называется... В общем, обмануть нас готовятся. Как будто бы нападут на востоке, а сами юга и запада попрут. Главное, чтобы солдат перекинули, им тогда наступать легко будет, они расположат народ к себе и побьют нас везде, пока солдаты на востоке за бандами гонятся будут.

— Так а что конкретно Кирилл Иванович просил вас передать?

— Он просил наказать: никого на восток направлять не нужно, главное — это юг. А на востоке хватит и небольших сил, чтобы подавить подполье. И еще сказал, что поддержки от местных там ждать не приходится — все они с народоборцами.

— Вот оно как, — постукивая пальцами по столешнице, — протянул Латунин. — Архиинтересно, товарищ наармеец. Ну, вы идите, а я с товарищем Бубновым поговорить наедине хочу. Дорогу сами отыщите, чай не барин, — сказал и хохотнул.

Григорий засмеялся, поднялся.

— Так мне идти.

— Идите-идите. Вы спасли революцию, товарищ, мы никогда вам этого не забудем.

— Так, а куда идти? В смысле, что делать дальше?

— А ничего не делайте, отдохните пару дней, заслужили, а потом сюда приходите, товарищи решат, что с вами делать.

Григорий кивнул, попрощался и вышел.

— Волчонка-обращенца, — Латунин коротко посмотрел на мужчину в кожанке, — сюда. Не соврал. За этим, — кивнул в сторону закрывшейся двери, — глаз да глаз. Он приведет нас к местному связному народоборцев. Не торопитесь брать их, нужно уточнить все детали, имена замешанных в заговоре и так далее. И командарма восточных подразделений пригласите как можно скорее, будем действовать на упреждение.

— Слушаюсь, — ответил Бубнов.

Меньше чем через неделю на восток было переброшено три армии народников. Благодаря активной помощи обращенцев не успевшим толком развернуться силам народоборцев было нанесено сокрушительное поражение. Командовавшей фронтом генерал Голицын попытался организовать отступление, в надежде перестроиться, закрепиться и дать отпор, но у него ничего не вышло. Очень скоро отступление превратилось в паническое бегство.

Сразу после победы подполье народоборцев в столице Республики было арестовано, лидеров и предателя Григория приговорили к расстрелу, остальных перевербовали. Атаки на западе и провокация на юге были подавлены с небольшими потерями. Положение народоборцев сделалось отчаянным, фронты разваливались, солдаты массово сдавались наармейцам. Гражданская война подходила к концу.

Гарское сражение

Гарск — стратегически значимый город на границе Беловодской и Трерийской Империей. Окруженный труднопроходимой гористой местностью, он является ключевым пунктом для начала наступления на Беловодье. После революции в Беловодье Трерия отказалась признавать Гарск за Беловодской Народной Республикой, направила свои войска для его оккупации. Блангийцы и гаэнцы поддержали действия трерийцев, согласились организовать поставку оружия, которое, впрочем было бесполезным — трерийцы по-прежнему полагались на колдовство, а не достижения индустрии, располагали сильнейшей в мире школой чародеев и были убеждены, что в состоянии разбить Народную Армию своими вооруженными холодным зачарованным оружием и магией силами.

Народоборцы в свою очередь рассматривали наступление трерийцев как шанс оттянуть силы народников с других фронтов, потому, не смотря на то, что претензий трерийцев не признавали, направили на помощь последним целую дивизию.

Наспех перекинутые на юг силы Народной армии должны были не допустить падения Гарска, иначе наступление трерийцев непременно получило бы развитие и завершилось бы оккупацией важных сельскохозяйственных регионов, без поставок из которых молодую республику непременно охватил бы голод. В числе прочих защитников Гарска числился и молодой комиссар Кирилл Иванович Оболенский.

...

К блекнущей небесной лазури поднимались струйки дыма от походных костров, по равнине раскинувшейся на несколько километров, в направлении Гарска тянулись пешие отряды наармейцев. Их было немного и кардинально изменить расстановку сил эти формирования не могли.

На расстоянии же двадцати километров к югу от Гарска располагались основные силы народников. Успевшие вырыть траншеи, солдаты нервно наблюдали за приготовлениями противника, о росте численности которого можно было судить по количеству струек дыма, тянувшихся к небу. Последних с каждым часом становилось все больше и больше.

Тревожно поглядывая в небо, наармейцы, отдыхавшие вне траншей, ужинали, ведя неспешные разговоры о том, когда же трерийцы решатся атаковать. Одна такая группа, рядом с которой устроился Кирилл, была уверена, что наступление начнется завтра, потому обсуждение данного вопроса солдатам этой группы быстро наскучило и они принялись перетирать косточки командному составу. Не догадываясь, что Оболенский прекрасно их слышит, заговорили о Кирилле.

— А этот сопляк-комиссар видал какой важный? Сидит в сторонке, к нам подойти и трапезу разделить брезгует.

— Так он же гвардеец, — заметил какой-то солдат. — Наверняка обет молчания хранит перед завтрашней-то битвой.

— Чего еще за обет молчания, — заинтересовался самый молодой из солдат.

— Да ты чего, не знаешь? Гвардейцы ж как волшебники колдовать выучены. Могут оберег заговорить, могут морок напустить, даже лечить наложением рук обучены. Разве что огонь и молнию добывать не умеют, а так ровно те же колдуны.

— А как же он командовать нами будет, если обет молчания хранит? — спросил все тот же молодой солдат.

— Бывал я под командой гвардейцев в Великой войне, — вмешался в разговор еще один напармеец. — Так они не всегда магичат. Особенно когда в тылу чародеи имеются. Вот тогда и командуют как обычные офицер.

— Это понятно, ты мне расскажи, как он с обетом молчания командовать будет.

— А обет молчания они держат, только когда командовать не будут. Или будут, но маленькой кучкой, жестами изъясняясь.

— Что не говорите, — снова подал голос солдат, который завел этот разговор. — А я считаю, он важный индюк, возомнивший о себе не весть знает что. И до сегодняшнего дня держался нос задира, когда с солдатами разговаривал. Ненашенский он. Правду говорят, что перешел к нам только в революцию? Видать прижали его трудящиеся, нож к глотке приставили, вот он и обосрался. Тогда, поди, не такой важный был, как сейчас.

— А я вот слышал, он добровольно. Да так за нас дерется, как за императора не дрался, — заметил бывалый солдат.

— Послышалось тебе, старый. Говорю, индюк этот ненашенский и как война закончится, разбираться с ним нужно будет, как с ненашенским — штыком в живот!

— Эк ты разошелся, Семен. Мяхше нужно быть, мяхше. Глядишь, завтрашний день не переживем, умрем вместе с ним в этих траншеях, а смерть, она, знаешь ли, ни чинов, ни ненашенских, ни ненашенских не различает, — упорствовал бывалый солдат.

— А нам народники чего обещали, — не собирался сдаваться и Семен, — помнишь, али забыл уже? Чинов, говорили, не будет, что в армии, что на работе все равны будут.

— Помню, было, — заметил еще один солдат, до того не участвовавший в разговоре. — Бардак получился, Сема. Форменный бардак. Нас тогда народоборцы гоняли — мама не горюй! Чуть жареным запахнет, наши винтовки бросали и разбегались, командир их остановить пытается, а им на все плевать — все ж равны, чинов нет, вот и твори, чего хочешь. Обещания обещаниями, а вот порядок в армии должен быть и без чинов тут никак. Потому зря ты на комиссара наговариваешь. Я про Оболенского слышал — он много где побывал и все как один солдатики, что под его началом служили, говорят, что за нашего брата жизнь готов отдать.

— А чего ж тогда до сих пор живой? — язвительно спросил Семен. — Солдат, поди, под его руководством больше одного погибло.

До того спокойного Кирилла зацепила эта фраза. Он собирался было уйти, но в этот самый момент к нему приблизился адъютант командарма.

— Кирилл Иванович, Михаил Александрович хочет с вами переговорить.

Оболенский кивнул в знак того, что понял слова адъютанта, вместе с ним направился в Гарск, к дому генерала Трухалина. Когда они прибыли туда, на улице уже стемнело, ясное небо покрылось искорками звезд, с раскинувшихся в пригороде полянок доносился веселый стрекот сверчков.

Деревянный домик, в котором располагался штаб, был совсем плохонький: северная стена покрылась плесенью от сырости, потолок прогнул, половицы скрипели, из мебели куча старых стульев, широкий комод у заплесневевшей стены, очевидно, предназначенный для того, чтобы скрыть светло-серые пятна от глаз посетителей, да тяжелый дубовый стол, за которым сидел генерал. Окна без штор, стекла грязные, повсюду пыль. Генералу при этом удавалось сохранять достойный вид — аккуратно зачесанные седые волосы, сосредоточенный взгляд маленьких глаза, напряженные мышцы лица и шеи, чистый, идеально выглаженный мундир.

— Присаживайся, — предложил Трухалин Кириллу. — Если хочешь, газетку постели — тут все грязное. Только прибыли, толком прибраться не успели, — генерал протянул комиссару лист газеты. — Судя по всему, удар нанесут завтра без предупреждения. По донесению разведки, трерийцы прибегнут к обману — заявят о готовности вести переговоры, а сами намерены выиграть время, для того, чтобы вспомогательный полк обошел нас с запада по горным перевалам. Похоже на правду — у них есть надежные проводники, которые знают горные тропинки, как свои пять пальцев. Совершенно незаметно провести конницу они не сумеют, но времени на отражение атаки в случае удара во фланг у нас просто не будет. Поэтому о возможной атаке необходимо предупредить нас заблаговременно. Это и будет твоей основной задачей, Кирилл. Три роты — все, что можем тебе выделить. Но ребята толковые, бывалые. К тому же в горах противостоять кавалерии не так сложно.

Кирилл слушал его вполуха, стараясь оставаться сосредоточенным, кивнул, когда Трухалин закончил, оторвал от газеты, переданной ему генералом клочок, попросил перо и чернильницу, написал крупными буквами поверх типографского шрифта:

«Артиллерия прибыла?»

Труханов глянул на текст, мотнул головой.

— Нет, остаемся все при тех же двадцати орудиях.

Кирилл снова принялся писать.

«Когда будет?»

— Должна была прибыть сегодня. Что случилось, не знаю.

«Без тяжелой артиллерии Гарск не удержать!», — написал Кирилл, передал генералу перо.

— Посмотрим, — спокойно ответил Трухалин. — Это уже головная боль штаба. Ты, главное, со своей задачей справишься. — Андрей, проводи комиссара к его отряду, — обратился командарм к адъютанту.

...

В то же самое время по ту сторону траншей бывший гвардеец императорской армии Сергей Салтыков с сомнением изучал части трерийцев. Тяжелая кавалерия представляла собой закованных в заговоренные латы рыцарей с длинными металлическими копьями, устаревшими и бесполезными в условиях современной войны, и защищенных такими же латами лошадей. Легкая конница хотя бы претендовала на то, чтобы отвечать требованиям войны с применением пулеметов — помимо сабель у них имелись старые винтовки, которые они носили за спиной. Пехота же больше походила на сброд — ни винтовок, ни пулеметов, одни только ружья, зачастую настолько старые, что нельзя было быть уверенными выстрелят они вообще или нет.

Единственное, чем трерийцы действительно и по праву могли гордиться — это маги, элита их армии. У этой части войск Салтыков как ни старался, не мог выявить недостатков: он своими глазами видел, как целитель поставил на ноги изрешеченного пулями разведчика. Колдуны дисциплинированы, уверены в себе, сосредоточены и настроены на победу. Страшно представить, что произойдет, если они вдруг решатся дать залп молниями — никакая артиллерия не сравнится.

И тем не мене, Сергей не верил, что одним колдовством удастся победить народников. Последняя война, в которой участвовала Трерийская империя, была война с империей Беловодской, завершившаяся победой последней. Тогда обе армии были далеки от идеалов

своего времени, и там и там полагались в первую очередь на колдовство, а потом уже на технику. Стоит отметить, что уже тогда трерийские чародеи на голову превосходили беловодских. Однако в отличие от трирейцев, беловодские войска были лучше оснащены и экипированы и, что самое главное, Беловодье активно внедряло тяжелую артиллерию и скорострельные казнозарядные винтовки, что и сыграло решающую роль. Какие бы заговоры не применяли чародеи, какие бы заклинания не выдумывали, какие новаторские колдовские практики не внедряли, они оказались неспособны выдерживать и подавлять массивный огонь артиллерии, слаженную атаку вооруженных винтовками солдат. Однако уроков из поражения Трерийская империя не извлекла — после успешного подавления восстаний в нескольких регионах, решивших воспользоваться ослаблением центральной власти и выйти из состава государства, трерийцы решили, что не смотря ни на что двигаются в правильном направлении, стали тратить еще больше средств на чародеев, в надежде найти магический способ вести войну против артиллерии. Однако опробовать найденные способы против равного соперника по сегодняшний день не представилось возможности. Чем же могло закончиться завтрашнее сражение, можно было только гадать.

Салтыков в успех не верил. Единственное, что его утешало — у народников практически не было артиллерии, значит надежда, пусть и робкая, на победу все-таки оставалась. И в этот момент гвардеец задумался: а честно ли это — желать поражения своему собственному народу в борьбе с врагами? Ведь трерийцы никогда не были близкими друзьями беловодцев. Непрекращающаяся грызня между ними шла больше двух сотен лет. Стоит ли верить, что победив, трерийцы вернут занятые земли после свержения народников и установления прежней власти? Не предстоит ли новая война по завершению гражданской? Окинув взглядом армию трерийцев, Сергей усмехнулся: главное избавиться от народников, а уж трерийский сброд разогнать будет не сложно, пускай для этого и придется снова повоевать. Разрешив моральную дилемму, Салтыков успокоился, продолжая разглядывать готовившиеся к завтрашнему сражению части. Он не заметил, как со спины к нему подкрался советник трерийского генерала Омар.

— Господин Салтыков, — мягко окликнул его советник на беловодском наречии.

— А, Омар, здравствуйте. Что-то случилось?

— Генерал послал меня узнать, твердо ли вы намерены драться с нами против узурпаторов?

— Со времени моего последнего ответа на этот вопрос ничего не поменялось, — раздраженно ответил Салтыков. Омар постоянно спрашивал его о том, не передумают ли народоборцы в последний момент драться на стороне трерийцев — очевидно, не доверял.

— Не обижайтесь на нашу подозрительность, господин Салтыков, вы ведь сами понимаете, что от завтрашнего сражения зависит очень многое — заняв Гарск, мы сможем навсегда прогнать узурпаторов из этих земель.

— Чтобы восстановить законную власть? — с усмешкой спросил Салтыков.

— И после таких вопросов вы обижаетесь на наши сомнения в вашей искренности, — с упреком сказал Омар. — Судьба Гарска будет решена на послевоенной конференции.

— До нее еще дожить нужно. Так чего вы от меня хотели?

— Генерал полагает, что поскольку мы деремся по одну сторону, то разумнее действовать в рамках единоначалия и будет признателен, если вы выполните его поручение.

— И что же это за поручение?

— Мы намереваемся провести обходной маневр, выделяем полк наших войск для того,

чтобы зайти во фланг узурпаторам. Там, — Омар ткнул пальцем в сторону раскинувшейся на западе горной гряды, — есть скрытые тропинки, которые приведут нас в нужное место и позволят вызвать панику во фланге и тылу, что обеспечит успех фронтального наступления. Генерал считает, что эта атака будет наиболее полезным начинанием, если вы с частью ваших сил окажете поддержку нашему полку.

— Поддержку, — протянул Салтыков, задумчиво поглядывая на запад. Формально, Сергей подчинился Голицыну, но тот крепко запил, оставив гвардейца за главного, потому принятое сейчас решение будет исполнено. Идея казалась безрисковой. Народовольцы вряд ли располагают подробной картой региона, лучшие части выставят во фронт, потому удар с фланга может не просто внести смуту, но сыграть решающее значение, сделавшись фатальным. Только вот были и минусы — в случае разгрома трерийцы понесут чересчур низкие потери, смогут продолжить наступление и не факт, что очень скоро остановятся.

«Главное — разбить народников, с трерийским сбродом разберемся после», — непомнил себе Салтыков.

— Хорошо, мы вам поможем, — решил он. — Но хотелось бы подробнее узнать, что именно вы намереваетесь предпринять, по каким тропам будем вести наступление, есть ли возможность отступить в случае срыва задумки.

— Прекрасно, — искренне обрадовался Омар. — Мы готовы посвятить вас во все детали.

— Не меня, я дам вам толкового офицера.

— Вы не собираетесь отправиться вместе с вашими людьми.

— Собираюсь, но не как командующий, а как гвардеец. Выступаем мы засветло?

— Да, — подтвердил трериец.

— В таком случае, у меня осталось совсем немного времени на подготовку. Простите, Омар, я должен идти, офицера пришлю немедленно прямо к генералу.

— Как вам будет угодно, господин Салтыков.

Сергей знал, что Кирилл был направлен в Гарск и втайне надеялся встретить его во время завтрашней битвы, чтобы перерезать глотку подлецу за предательство. Уверенный, что комиссара направят подавлять силы противника, атакующие во фланг, Салтыков хотел как следует подготовиться к драке со своим бывшим товарищем.

...

Растянувшись длинной лентой, отряд из трерийцев и народоборцев пробиралось в горах под покровом ночи. Салтыков, шедший рядом с проводником, тревожно вглядывался в темноту. Уж очень неудобное положение занимали они на этой горной тропинке. Если народники устроят засаду и ударят из пулеметов, непременно отбросят и рассеют отряд. С неудовлетворением Салтыков посматривал на трерийских юнцов, которых выделили ему в помощь. Неужели для столь важного обходного маневра не могли найти опытных солдат? Или трерийцы были настолько уверены в победе своих средневековых войск?

Какой-то шум впереди. Салтыков жестом приказал остановиться, в одиночку пошел на разведку. Пройдя по тропинке около сотни метров, выбрался на вершину холма. Вроде бы никого. Но он отчетливо слышал что-то. Обернулся — то поднимался отряд.

— Простите, господин Салтыков, но некогда стоять, времени осталось совсем мало, — заявил трериец, приказавший двигаться.

Гвардеец с трудом сдержал негодование и не прикрикнул на наглеца. Отряд растекся по вершине, вслед за проводником двинулся к очередному перевалу. И в этот самый момент

застрекотали пулеметы.

Оберег спас Салтыкова, гвардеец успел укрыться во впадине, а вот трерийских офицер, не прислушавшийся к нему, упал замертво вместе с остальными юнцами, возглавлявшими отряд. Остальные попадали на землю, пытаясь укрыться от пуль, но тщетно — холм хорошо просматривался со всех сторон, три пулемета были расположены грамотно, на возвышавшихся над холмом вершинах, добраться до которых можно было только через перешеек. Салтыков оглянувшись на свой отряд понял, что с каждой секундой он редееет, те, кто сумел укрыться понадежнее, готовы в поддаться панике и бежать. Срочно нужно что-то предпринять.

Салтыков закрыл глаза, прошептал слова. Морок — точная копия Салтыкова — отчаянно понесся вперед, через перешеек, пулеметчики заметили его, стали пытаться убить, но не могли. Один из пулеметов прекратил пальбу — то ли перегрелся, то ли кончились патроны. Смолк и второй. Нужно было действовать прямо сейчас.

Гвардеец побежал изо всех сил, на хорду выхватил пистолет и меч. Пулеметчик, заметивший его, понял, что обманут, но среагировать не успел — Салтыков достиг противоположной стороны перевала и спрятался. Быстро прошептав слова заклинания, он сотворил еще два морока, вслед за ними бросился в атаку. Крутой подъем, мороки уже на возвышенности, слышны выстрелы. Через мгновение там появляется Салтыков. Всего пять солдат!

Одного гвардеец рубанул в область между шеей и плечом, перерубив артерию, три выстрела сразили замешкавшихся на рармейцев, Оставшийся в живых выстрелил в ответ, но оберег спас Салтыкова, гвардеец тут же убил солдата точным попаданием в голову. Первая огневая точка подавлена.

Снизу донеслись крики «Алла!» вперемешку с «Ура!». Оставшиеся в живых члены его отряда пошли в атаку. Застрекотал один из пулеметов. Салтыков бросился на звук. Спуск, подъем, несколько солдат у него на пути, не заморачиваясь убивает их двумя точными выстрелами, вызывает морок, достигает пулеметчика. Тут всего три человека. Салтыков бьет мечом без разбора, сражает пулеметчика, отвечает на выстрел одного из солдат, убивая того, а после смещается в сторону, уклоняясь от удара меча. Напротив, возникает офицер, которого Сергей узнает сразу же — Кирилл Оболенский. Не обращая внимания на комиссара, Салтыков убивает последнего оставшегося в живых солдата, не стараясь укрыться от выстрелов из пистолета Павлова, оставляет в руках только меч и бросается в бой.

Он жаждал этой встречи, месяцами после революции мечтал о ней. Прикончить предателя и подлеца, убийцу и насильника!

Кирилл легко уклоняется от бесхитростной атаки Салтыкова, стреляет в спину. Оберег нагревается, но Сергей не отступает. Снова завел свою смертоносную песню пулемет, но часть трерийцев и народоборцев уже пересекла перевал, слышны взрывы гранат — они пытаются подавить боевую точку. Тупийцы! Теперь уж народники точно узнают о затеянной атаки, их всех перебьют.

Плевать! Главное прикончить Кирилла, отомстить за предательство, за опороченное имя императорского гвардейца! И пускай после Салтыкова казнят, это не играет никакой роли.

Размашистый удар, комиссар увернулся, бросился бежать куда-то. Салтыков погнался следом. Едва успел увернуться от атаки затаившегося Кирилла. Упал на землю, откатился, сумел вскочить на ноги, хотел ударить мечом, уверенный, что поразит цель, но лезвие

рассекло воздух.

Морок! Сплюнув, Салтыков побежал вниз по тропинке, где Кирилл уже начал кромсать растерявшихся трерийцев. Гвардеец бросился на комиссара, Оболенский отошел в сторону, один из трерийцев попал в него, но пуля не причинила вреда. на одной из тропинок появились напармейцы, завязалась перестрелка, но Салтыкову было на все плевать, он видел только Кирилла, стремился поскорее покончить с ним.

Некогда друзья, а теперь страшно возненавидевшие друг друга враги сцепились не на жизнь, а на смерть, прямо на линии огня. Пули попадали в них, обереги начинали обжигать, но Салтыков настырно шел вперед, нанося и нанося удары. Какие-то Кирилл парировал, какие-то пропускал, но, казалось, его это не сильно заботило. Вообще, если бы Салтыков хотя бы на мгновение стянул с глаз пелену гнева, он бы заметил, что Оболенский не фехтует в полную силу, уделяет больше внимания трерийцам, а не Салтыкову. Но ярость ослепила гвардейца, потому он с безумством, прямолинейно и грубо рубил.

Застрелив одного из последних трерийцев и увидев, что остальные сдаются, Кирилл, увернувшись от очередного удара гвардейца, сделал выпад, сильно ударил, из-за чего оберег Салтыкова вспыхнул.

Что же, это конец! Он хотя бы пытался. Завопив, Салтыков отчаянно бросился на комиссара, почувствовал, как выпущенная напармейцем пуля задевает его, но бега не остановил. Кирилл сместился — довольно неумный шаг, ведь он оказался на линии огня напармейцев, которые непременно бы пристрелили Салтыкова — дождался, когда народоборец приблизится, вместо того, чтобы зарубить, плечом врезался в его живот, руками обхватил за поясницу, оторвал того от земли вместе с ним побежал к перевалу, то ли споткнулся, то ли сам прыгнул, но они кубарем покатались под гору. В процессе Салтыков ударился головой о крупный камень, потерял сознание.

...

Основное наступление началось в пять утра. Не смотря на то, что напармейцы готовились к атаке, столпы пламени и удары молний с небес привели их в ужас. Громадные огненные шары врезали в землю перед траншеями, засыпали людей, прятавшихся в них, практически заживо хороня несчастных. По своей разрушительной силе это колдовство ничем не уступало современной артиллерии.

Со стороны равнины разнесся грохот железа, стук копыт, безумные крики скакавших в атаку тяжелых кавалеристов. В этот момент произошло то, к чему трерийцы не были готовы — запела тяжелая артиллерия. Прибывшие в срок оружия установили на возвышенности в стороне от Гарска и замаскировали, Трухалин не стал рассказывать о них даже Кириллу, уверенный, что в предстоящем сражении они сыграют решающую роль. Но тут произошло страшное — двигавшиеся по дуге снаряды стали разлетаться в разные стороны и падать куда попало. Похоже, трерийские колдуны действительно нашли способ противостоять артиллерии.

Массивная кавалерия приблизилась к первому ряду траншеи, не сбавляя скорости, наездники заставили свои скакунов перепрыгивать через вырытые ямы двигаться дальше. Робкая стрельба напармейцев, засевших в обороне, не приносила никакой пользы — заговоренные латы без труда выдерживали удары обычных патронов. Следом за конницей двигалась пехота и легкая кавалерия. Они-то и принялись добивать оставшихся в траншеях солдат, напуганных и сбитых с толку. Позади всех, на лучших скакунах империи двигались маги, сосредоточено бормотавшие себе под нос заклинания.

Наступающие приблизились ко второй линии обороны. И в этот момент застрекотали пулеметы. На траншее снова обрушились огненные шары и удары молний, однако упертые солдаты не переставали строчить по несущимся на них кавалеристам. Однако латы продолжали защищать своих владельцев от смертоносных патронов. Нарармейцы запаниковали, кое-кто бросился бежать. Когда кавалеристы приблизились вплотную к траншеям, интенсивность магических атак спала. Тогда же конница понесла первые за сражение потери — не падавшие духов бывалые солдаты на левом фланге спокойно расстреливали несущихся на них врагов. Кавалеристы стали предпринимать неуклюжие попытки атаковать пулеметчиков копьем и поплатились за это мгновенной смертью. Подоспевшие пехотинцы-гренадеры стали забрасывать стрелков гранатами, только после этого сумели подавить огневую точку народников.

На том минута славы трерийской магической армии закончилась. Очередная артиллерийская канонада провозгласила новую порцию снарядов которые на этот раз не изменили траекторию — удар пришелся прямо по колдуна, отчаянно читавшим заклинания. Черeda взрывов, дым на какое-то время закрывает обзор, а когда рассеивается, глазам открывается страшная картина — куча трупов чародеев, изуродованных, фактически разорванных на части.

Уже на подходе подкрепления народовольцев. Пулеметные очереди начинают скашивать красивые на параде, но абсолютно бесполезные на поле боя ряды архаичной закованной в заговоренные латы тяжелой кавалерии. Новые залпы артиллерии стирают с лица земли некудышных пехотинцев и легких кавалеристов. Колдуны снова пытаются прочесть свои заклинания, ударить по наступавшим огнем и молниями, но истратившие почти все свои силы во время атаки на первую линию обороны, они едва-едва умудряются нанести хоть какой-то урон, который лишь сильнее злит солдат, потерявших в первой отчаянной атаке трерийцев своих товарищей.

Битва превращается в мясорубку, замешкавшиеся кавалеристы обращаются в бегство, рассеиваются по полю боя, с криками «ура!» нарармейцы переходят в атаку, кромсают, убивают и берут в плен трерицев. Через два часа после начала битвы последним местом сопротивления оказывается успевшая укрепиться у подошвы горы дивизия народоборцев, вооруженная и подготовленная значительно лучше частей колдунов. Осознавая безнадежность своего положения, оставшемуся за старших офицеру удается выторговать право на отступления после сдачи оружия. Трухалин свое слово сдержал и позволил солдатам враги покинуть поле боя.

Гарское сражение завершилось сокрушительным поражением трерийцев. Это было последнее в мировой истории событие, когда магия на поле боя применялась настолько широко.

...

Закинув Салтыкова себе на шею, придерживая одной рукой за ногу, а второй за руку Сергея, Кирилл быстро бежал вперед, не разбирая дороги. Втаптывая в землю сухую горную траву, он постоянно чихал от поднимавшейся в воздух пылицы. Из-за эту пару раз чуть не оступился, но в конце концов выбрался к речке, положил Салтыкова на землю, наклонился, набрал в рот воды, брызнул ею на гвардейца. Сергей вздрогнул, открыл глаза.

— Живой, — с облегчением выдохнул Кирилл.

Спасенный недружелюбно посмотрел на спасителя.

— Зачем? — спросил Сергей.

— Тогда, в столице, я тебе уже сказал — ты мне не враг, Сергей, я не воюю с тобой, с генералом Голицыным, я воюю за право народа самого решать свою судьбу.

— Понимаешь хоть, что твои «товарищи» теперь тебя расстреляют? Знаю я ваших зверей.

— Это вряд ли. А вот тебя могут, раз уж ты такого о них мнения.

Салтыков кое-как встал, подошел к речке, умылся, попил воды.

— Уходи, Сергей, и как можно скорее. Наши могут начать искать беглецов. Тебя поймают.

— И расстреляют? — с усмешкой спросил Салтыков.

— Скорее всего, — на этот раз серьезно ответил Кирилл. — Если откажешься драться на нашей стороне. А ты откажешься.

— Тут ты прав — среди гвардейцев клятвопреступников немного.

— Я не клятвопреступник... — начал было защищаться Кирилл, но Салтыков только махнул рукой.

— Не надо, я и в прошлый раз наслушался твоей ерунды, — он поднялся на ноги, снова держался уверенно. — Знаешь ведь, что убил бы тебя не задумываясь, а все равно помогаешь?

— Это не важно — ты мой друг. Потому, как и в прошлый раз, даю тебе дружеский совет: бросай воевать и уезжай из страны. Это лучший вариант.

— Что меня в тебе всегда поражало, Кирилл, это наивность. Ты был лучшим в фехтовании и стрельбе, да и в науках успевал, пусть и не так, как в остальном, не дурак вроде. А такой наивный, недаленовидный. О последствиях своих решений не думаешь. Прощай, — Салтыков побрел вдоль реки на юг.

— Это была угроза? — спросил Кирилл ему вслед.

— Нет, — нехотя отозвался тот. — Не уверен, что когда-нибудь стану угрожать тебе после сегодняшнего. Пусть ты и наивный, но в одном меня убедил — и на войне можно оставаться верным своим принципам.

Оболенского окатили водой из ведра, он растерянно захлопал глазами, пытаясь понять, что происходит. Последний месяц его держали связанным, почти не кормили. Он потерял счет времени, иногда начинал бредить, выкрикивать революционные лозунги. Перед глазами стояли лица погибших товарищей, словно бы звавших его за собой.

— Поднимайся давай! — солдат ухватил его за шиворот, вытащил из телеги.

— Где я? Что происходит, — промямлил Кирилл.

Вместо ответа получил сильный удар в затылок, упал бы на землю, но цепи на руках заставили его повиснуть в воздухе. Только когда кто-то отомкнул оковы Кирилл упал на землю рядом с колесом, подняв в воздух столп пыли. Его схватили за запястья, завели руки за спину и связали. Потом схватили под плечи, рывком поставили на ноги. Начав соображать, Кирилл окинул взглядом окрестности — они находились у моря! Значит это бегство! Народная армия разгромила врагов, а теперь озлобленные и бессильные, они хотят отыграться на пленном комиссаре. Ну что же, Оболенский всегда был готов умереть за свои идеалы.

Проходя мимо сваленных в кучу тел расстрелянных, он понял, что не ошибся. Его вели по направлению к опушке леса, где наскоро сбили подобие стрельбища, а чуть в стороне, на поляне, установили скамью, на которой важно восседал коренастый белоголовый генерал. Комиссар сразу узнал Голицына — тот с остервенением и предвкушением скоро расплаты, потирал руки.

Кирилла вытолкали на середину поляны, из рядов народоборцев выдвинулись два солдата с винтовками наизготове. Раскрасневшийся от ярости и ненависти Павел Степанович сжал кулаками, потрясал ими в воздухе и чеканил:

— Ты давал клятву Его Императорскому Величеству, ты присягал на верность Беловодской Империи и предал все, что должен был защищать. Ты изменник, подлец, опорочивший почетное звание гвардейца государя. Я был готов отдать за тебя мою дочь, я любил тебя, Кирилл, но ты предал и меня, перешел на сторону черни, зверья, преступников стремившегося разрушить основы нашего государства. Я приговариваю тебя к смерти и обещаю, что все твои товарищи, — слово «товарищи» генерал произнес с издевкой, — ответят за свои преступления. Свидетелем смерти одного из них ты станешь прямо сейчас. Ведите сюда! — приказал Голицын.

Из неприметной избушки появились конвоиры, вывели избитого Захара. Специально провели мимо Кирилла.

— Не надо было возвращаться за мной, Захар! — с горечью выдавил Кирилл глядя.

— Не расстраивайся Кирилл Ваныч, — Захар попытался улыбнуться распухшими губами. — За революцию и умереть не жалко. Я горжусь тем, что знал такого человека как ты, дрался с тобой на одной стороне!

— Вместе дрались, вместе и умрем, — Кирилл грустно улыбнулся, на душе стало легче, он смело посмотрел на Голицына. — И умрем не зря! Понимаешь ведь, что творится? Бегут они, Захарка, бегут! — глаза Кирилла вспыхнули искренней радостью.

— Да Кирилл Ваныч, бегут, как трусы последние бегут! — произнес Захар громко, с задором, окинув всех присутствующих своим полным торжества взглядом.

Заметив, что в глазах Оболенского снова загорелся огонек, генерал вышел из себя.

— Немедленно расстрелять! — приказал он, указав на Захара.

— Нет! — откуда-то со стороны донесся женский крик. — Отец, нет!

Ольга! Кирилл узнал ее голос. Откуда он взялась?!

Глаза генерала округлились, он непонимающе посмотрел в сторону, увидел приближающуюся дочь.

— Кто посмел пустить ее сюда?! — казалось, генерал вот-вот зарычит, настолько он разъярился, осознав, что ему не показалось и дочь каким-то образом попала на казнь.

— Я посмел, — донесся голос шедшего следом за Ольгой Салтыкова.

— Вот как! Ну, так любуйтесь, как эту скотину убьют у вас на глазах, — глаза генерала сузились, челюсти сжались, губы разошлись, оголив крупные желтые зубы. Страшен был Голицын в это мгновение, походил на зверя, а не на человека. — Стреляй, немедленно!

Ольга завопила, Кирилл бросил быстрый взгляд на возлюбленную, на Сергея, на Захара, потом посмотрел в глаза палачу. Простой человек не сумел бы спасти комиссара и нарядмейца, но гвардейцы не были простыми людьми. Салтыков пулей преодолел отделявшее его и палачей расстояние, выхватил саблю на ходу, разрубил винтовки у двоих, у третьего выбил ее из рук, четвертый отскочил в сторону, сам выбросил оружие на землю.

— Мы так не договаривались, генерал! — глядя на Голицына исподлобья, заявил Сатыков. — Эта война убила в вас человека, вы сделались кровожадным хищником, жаждущим крови, а не справедливости. Когда-то я чуть было не стал таким же, как вы. И стал бы, если бы Кирилл не напомнил мне о том, что милосердию, человеколюбию и дружбе есть место и на войне. Если хотите убить его, расстреляйте сперва меня.

— И меня! — Ольга подбежала к Салтыкову и стала рядом с ним, оказавшись на пути солдат.

— Ты, родная дочь, предала меня? — лицо генерала разгладилось, фразу он произнес почти шепотом, побледнел. — За что, Ольга? Почему?

Солдаты неуверен смотрели на генерала, дожидаясь поручений, а он схватился за сердце, пошатнулся, но сумел удержаться на ногах. Откинул голову, посмотрел на небо, помолчал, а после громко произнес:

— Собирайтесь, возвращаемся в Дальний.

Солдаты неуверенно переглянулись, остались на месте.

— Это был приказ! — сверкнув глазами, крикнул генерал.

Солдаты стали суетливо расходиться, генерал подозвал адъютанта и стал ему что-то объяснять. Ольга направилась к Голицыну.

— Спасибо тебе, отец, — начала она было.

— Не подходи! — рявкнул он, не глядя дочери в лицо. — Сегодня я лишился дочери. Тебя проклинаяю и знать не хочу.

Губы Ольги задрожали, слова отца ранили в самое сердце. Она хотела упасть перед ним на колени, молить о прощении, но Салтыков во время оказался рядом, отвел ее в сторону.

— Не трогай его, Оля, пускай уходят. Мы сделали свой выбор, а он свой.

Народоборцы расходились. Вскоре Ольга, Сергей, Захар и Кирилл остались одни на поляне. Кирилл не понимающе смотрел на свою единственную любовь, лучшего друга и готов был заплакать.

— Что вы задумали? — спросил он.

Салтыков обернулся к другу, улыбнулся.

— Мы остаемся, Кирилл, — сказал он приближаясь к Оболенскому, достал нож,

разрезал веревку, освободив тому руки. — стрелять вчера начали, было понятно, к чему дело идет, я сказал обо всем Ольге, пообещал, что не дам тебя в обиду и намерен остаться и сдаться твоим на милость.

— Сережа, ты не понимаешь, — Кирилл разминал руки. — Я не могу поручиться за твою безопасность. Среди наших очень много жестоких людей, не меньше, чем среди ваших. Они творили чудовищные вещи и поручиться за вашу безопасность не могу. Вам нужно уезжать.

— Скажи это Ольге, — спокойно произнес Салтыков, освобождая Захара. — Меня не переубеждай. Казнят — пускай, — сплюнул, — а бегать всю жизнь по границам как неприкаянный я не собираюсь. У меня есть Родина, и пускай я никогда не отличался сентиментальностью, всегда старался действовать рационально, сейчас не хочу. Надоело! Я видел, как к нам относятся блантийцы — лучше сдохнуть, чем выслушивать их покровительственный надменные нравоучения!

Кирилл посмотрел на Ольгу, та отвела взгляд, заламывала руки. Сколько он ее не видел? Как больно было, когда они расстались. Он приблизился к ней, протянул руку к ее волосам, ощутил, как локон легонько щекочет палец.

— Почему ты с ними, Кирилл? — спросила она, сжимаясь в клубок. Тот же самый вопрос, который задала ему во время революции. Ответ оставался прежним.

— Ты знаешь.

Кирилл больше не мог терпеть, обнял ее, она обняла в ответ, поцеловал в голову, щеку, губы, она ответила на поцелуй.

— Пошли, Захар, — сказал Салтыков, пускай помилуются, может последний раз в жизни.

Опираясь на плечо бывшего врага, наярмеец заковылял к сбитым лавкам, на которых лежали трупы — кровь отмыть не сумели.

— Ей-то ничего не угрожает, она с нами не воевала, — сказал Захар.

— Знаю, — ответил Салтыков.

— А вот тебя, Сергей Митрич, расстрелять могут, тут Кирилл Ваньч прав.

— И это я знаю.

— А что так же как ты, загорожу тебя от пуль, знаешь?! — вспыхнув, спросил Захар.

— Даже ты? Насчет Кирилла я-то не сомневался, но вот от тебя не ожидал, всегда считал, что мы враги. Если бы расстреливали только тебя, я бы не стал заступаться.

— А мне плевать. Теперь уж война закончилась, и врагов не осталось. Так и скажу комиссару, который тебя судить будет. Ты встал за Кирилла Ваньча, значит, и я за тебя встану!

— Скоро тебе представится такая возможность, — сказал Салтыков, глядя вдаль. — Вон, ваши несутся.

На горизонте сверкнули красные флаги, донесся стук копыт, удалые крики наездников — Народная Армия приближалась.

Больше книг на сайте - Knigoed.net